

ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО.

ВЕСТНИК ЛИТЕРАТУРЫ

1919 г.

№ 6.

По делам редакции обращаться к А. Е. Кауфману (в «Доме Литераторов», Бассейная, 11, в помещении канцел. О-ва вз. лит. и уч.).

Цена номера 5 руб.

Отдельные №№ продаются в книжных магазинах и вокзалах.

СОДЕРЖАНИЕ: I. О читателе, писателе и издателе.—II. Литература грядущего дня. С. Б. Любоша.—III. О неизданных и не написанных книгах Вас. Немировича-Данченко.—IV. Пролетарское искусство. Н. О. Лернера.—V. Чем заняты наши писатели.—VI. Среди книг и брошюр.—VII. В доброе старое время. А. Евгеньева.—VIII. Скорбная летопись: П. Д. Боеорыкин, О. Меньшиков и Розанов, Г. И. Тимофеев, Б. В. Никольский и др.—IX. Памяти почивших. В. С. Кривенко.—X. Письма П. Д. Боборыкина и В. В. Розанова.—XI. В литературных организациях.—XII. Литературная хроника.—Фельетон: В. И. Засулич накануне покушения Евтихия Карпова.

„ВЕСТНИК ЛИТЕРАТУРЫ“

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

„ВЕСТНИК ЛИТЕРАТУРЫ“ поставил себе задачей — содействовать общению между писателями и читателями, знакомить последних с тем, что делается в литературе, каковы ее перспективы, когда жизнь войдет в свое русло, и на арену выступит читатель с новыми запросами и вкусами, как живут ныне, в переживаемое нами лихолетье, русские писатели и чем они заняты. Посильные ответы на все эти вопросы мы давали в вышедших №№ и будем и впредь давать, если обстоятельства не помешают нам продолжать начатое нами дело издания первого литературного органа, посвященного служению интересам писателей.

В вышедших №№ 1—6 «Вестника Литературы» напечатаны — и будут впредь помещаться — статьи следующих авторов: В. А. Азова, В. А. Апушкина, проф. Ф. Д. Батюшкова, проф. С. А. Венгерова, В. М. Ворта, Л. Г. Дейча, А. Евгеньева, А. А. Измайлова, Е. П. Карпова, А. Е. Кауфмана, А. П. Катрана, А. Ф. Кони, В. С. Кривенко, Н. О. Лернера, С. Б. Любоша, И. И. Майнова, проф. П. Г. Мижужева, В. И. Немировича-Данченко, Э. К. Пенарского, Н. Н. Пенчиковского, проф. М. Я. Пергамента, А. М. Редько, проф. В. В. Святловского, Ф. К. Сологуба, проф. В. Н. Сперанского, Н. С. Таганцева, акад. Ф. И. Успенского, Б. О. Харитона, С. И. Шохор-Троцкого и др.

К участию в нашем издании будут привлечены и другие писатели.

О читателе, писателе и издателе.

Что день грядущий готовит нашей литературе? Этим вопросом вполне уместно и своевременно заняться в органе, посвятившем себя служению интересам писателя и читателя. Пусть бряцает еще оружие, пусть не прекратилась еще гражданская война, но жизнь так или иначе войдет в свое русло, станет на рельсы. И тогда, можно с уверенностью сказать, перед нами будет другой читатель, с новыми вкусами и запросами, с новой психологией и с другими нравами. Несомненно, усилится спрос на прикладные знания и в то же время на литературу, не

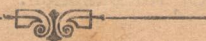
требующую сосредоточенного внимания со стороны читателя с утомленной психикой. Любовь к истинному искусству уступит, вероятно, место более легковесной литературе. Так, по крайней мере, было после первой французской революции. В таком же направлении шло и идет развитие литературы в одной из наиболее демократических стран — в Соединенных Штатах.

Новый читатель с мало изощренным вкусом, едва освободившийся от власти быстро сменявшихся политических событий, будет требовать от писателя возбуждающей его лихорадочное настроение литературы с соответствующими пряными приправами. И писателю, волею неволею, придется приспособляться к новому читателю, чтобы не остаться не у дел.

Вторым значительным последствием революционного переворота будет рост газетной прессы и брошюрной литературы, которые убьют книгу и толстый журнал. Газета будет привлекать все литературные таланты. От писателя будут требовать умения быстро писать, без надлежащей обработки своих произведений. Форма в искусстве уйдет на задний план.

На встречу читателю устремится и шустрый издатель, который и раньше прислушивался ко вкусам читательской массы, стараясь «потрафлять» им.

Вопрос, бегло затронутый здесь нами, настолько важен, что мы займемся им в ближайших номерах «Вестника Литературы». Отчасти вопроса о читателе, писателе и издателе касаются с разных точек зрения авторы помещаемых нами ниже статей. Нам интересно было бы послушать мнения по затронутому вопросу и наших читателей, откликам которых мы с полной готовностью будем отводить место в нашем издании.

Литература грядущего дня.

„Се жених грядет в полунощи. Блажен раб, его же обрящет бдяща, недостоин же паки, его же обрящет унывающая“.

„Настанет некогда день“ и кончится война, и водворится мир на нашей земле, и наладится новая жизнь. Откроются границы, восстановленная производительность перекрестит мечи в орала, появится и бумага, и печатные, и наборные машины. Мирный труд созидания и творчества придет на смену бешеному пароксизму истребления, который в эти ужасные, мучительные годы одустил все нажитое на земле.

Тогда вернутся к своим обычным занятиям и пережившие грозу и бурю, голод и разруху писатели, литераторы, журналисты, которые вольно или невольно умолкли в те дни, когда критика оружила задушала оружие критики.

И после потопа, который смоеет с лица земли много накопившейся веками неправды, жизнь начнется сызнова и мы, пишущие, выдем на истощенную и обновленную, всегда милую, всегда грешную и святую землю, постараемся расправить наши отекавшие руки и вновь взяться за наше привычное оружие.

Придем ли мы на этот брачный пир обновленной жизни в новых, брачных одеждах или явимся в одеждах износившихся, ветхих и будем повторять износившиеся, ветхие слова?

В. И. Засулич — накануне покушения.

Странички из воспоминаний Евтихия Карпова.

Осенью 1877 года поселился я на Английском проспекте, в доме, если не изменяет мне память, № 5, близ Египетского моста. Комнатушка, нанятая мною, — раньше, очевидно, служила передней. Прямо со двора, обитая рваной рогожкой дверь вела в узкую комнату, с одним окном, оклеенную серыми, дешевенькими обоями-кирпичиками. В глубине, против окна, на козлах, во всю ширину стены, лежали доски, заменяя собой кровать. У окна прислонился простой, кухонный стол, у стены, противоположной входной двери, — два стула.

Вот и вся незатейливая обстановка моего обиталища.

Низенькая, с перекошенными углами дверь соединяла мою комнату с квартирой хозяина, подрядчика „по печной части“, благообразного, высокого старика, с раскидистой, густой бородой и седыми волосами „в скобку“, жившего с женой — глухой, забитой бабой — в двух следующих комнатах.

Помимо тесноты и убожества, моя коморка имела еще одно существенное неудобство: в ней, при наступлении морозов, образовывалось три климата: у окна, около двери — холодный, в середине комнаты — умеренный и у постели — тропический, ибо сюда выходило зеркало „печки-галандки“, наталкивавшей хозяйкой до красна.

Прожив в этой комнате с месяц, я простудился и схватил острый, жестокий бронхит. По настоянию приятеля, студента-медика, я оставил эту квартиру и переехал на Рижский проспект.

Мою бывшую комнатушку заняла слушательница Еленинского института Вера Ивановна Засулич, совместно с своей задушевной подругой Машей Каленкиной.

В той-же самой квартире подрядчика „по печной части“ на другом ее конце, в большей, но уютной и грязной комнате, с ходом через темную кухню, обитали две товарки Веры Засулич по институту, Маша Иванова и Маша Семенова, мои хорошие знакомые.

Часто бывая у них, я близко познакомился с Верой Засулич и Машей Каленкиной.

Мы не знаем еще, в какие формы выльется новая жизнь. Будут ли ее формы устойчивые, хоть временно завершенные, или быстротечные и зыбкие, как неостывшая лава, но несомненно, что новая зачинающаяся историческая эпоха отмечена будет действительным выступлением на исторической арене той широкой массы, которая до сих пор была глиной, а ныне хочет стать горшечником.

Давно уже снизу просачиваются эти подземные силы, давно уже идут и множатся из темных низов, из недр земли, новые хозяева жизни, новые читатели, новые потребители культурных ценностей.

До сих пор эти широкие массы не имели литературы. Была не очень обильная литература о них, но не было литературы для них.

Русская литература, русская публицистика и журналистика были, может быть, самыми демократическими в мире по своим симпатиям и устремлениям, по своей идеологии. Не только печать самых левых устремлений, но даже самый типичный представитель нашего либерализма, журнал „Вестник Европы“ был проникнут не буржуазными, а демократическими тенденциями.

Но эти демократические устремления и настроения нашей печати облекались в такие словесные одежды, которые делали их совершенно недоступными для тех широких масс, о которых печать так искренно радела.

И в этом повинна была не только буржуазная печать. Писания наших марксистов и раньше, и ныне требуют перевода с нарочито непонятного, специального интеллигентского языка на русский язык.

Вера Засулич — стройная, молодая девушка среднего роста, с смуглым, овальным лицом, с карими глазами, под густыми, соболиными бровями, с красивыми, резко очерченными, сочными губами, с небольшим, широким носом, с расчесанными на прямой пробор темными, густыми волосами, остриженными в кружок, производила обаятельное впечатление своей непосредственностью, искренностью и простотой.

Скромно одетая в черное платье, с неизменной бархаткой на голове, отчаянно дымя папироской, которую она почти никогда не выпускала изо рта, сидит она, бывало, в темном уголке уютной комнаты товаров, в облаках синего дыма, тихая, молчаливая, словно все о чем-то мечтая, редко влетая в оживленный разговор короткую фразу... Или уткнется в книгу и не оторвется, что-бы вокруг нее ни происходило. Кругом шум, горячие споры, смех, цение, всякое беснование... а ей хоть-бы что!.. И не видит, и не слышит ничего.

Маша Каленкина была полной противоположностью Веры Засулич. Подвижная, с резкими, энергичными манерами, с нервным, постоянно меняющимся выражением, бледным лицом, с серыми, быстрыми глазами, с пушистыми, рыжими волосами, как ореол, осеняющими ее голову, надающими на широкий, нежной белизны лоб, Каленкина принимала самое горячее участие в спорах. Бурлила, кипятилась, искренно возмущалась, стойко отстаивала свои убеждения левой радикалки-террористки. Она годами была старше Веры Засулич и, как мне казалось, имела на нее большое влияние. Жили они, что называется, душа в душу. Если иногда Маша Каленкина, благодаря своей экспансивности, была неправа по отношению к Вере Засулич и энергично нападала на нее, та обыкновенно терпеливо сносила нападки, добродушно, робко оправдываясь. Эта незлобивость Веры успокоительно действовала на Каленкину, и она первая протягивала ей руку примирения...

Так как жить в маленькой коморке было весьма неудобно, Вера и Маша с утра, как только вставали с постели, приходили в большую комнату товаров и проводили там весь день. Здесь они пили чай, завтракали, обедали и ужинали сообща, на коммунальных началах. Маша Иванова, как более практичная и опытная, заведывала хо-

Сл...
свой о...
вали к...
роде, с...
на ру...
нину...
этот г...
много...
русски...
их осс...
Бь...
ская и...
„желт...
лакее...
печати...
плохал...
Ка...
массы...
с жад...
шихся...
Эт...
Ва...
снабж...
рай, А...

зайств...
кругл...
мунал...
В...
народ...
фейер...
от ре...
Миха...
В...
знако...
ками: ...
видим...
пой. I...
просп...
сужда...
и пра...
жайш...
к гру...
делен...
ступо...
в кат...
Трепо...
снял...
Весть...
щика...
ные т...
гичны...
окна,...
ного...
Тю...
тами...
ное и...
из ка...
в кар...
до по...
Эт...
ключе...
прое...
вали,...
этом...
бура.

Сложилось так, что интеллигенция наша выработала свой особый язык и на этом языке хорошие люди беседовали в печати промеж себя, беседовали очень часто о народе, о пролетариате, но на таком языке, который, несмотря на русский шрифт, был непонятен даже грамотному крестьянину или рабочему. И не потому только был непонятен этот господский или интеллигентский язык, что слишком много было в нем иностранных слов, непонятны были и русские слова, их сочетания, их особый условный смысл, их особая психика.

Была печать идейная, чистая и честная, интеллигентская и была печать безидейная, вульгарная, уличная или „желтая“, по выражению Чехова, печать для „молодых лакеев“. Но для народа, для крестьянина, для рабочего печати в сущности не было или была жалкая, безнадежно плохая.

Как же нам, пишущим, быть в те дни, когда трудовые массы выходят на историческую и политическую арену и с жадной жоропливостью, с волчьим аппетитом изголодавшихся набрасываются на плоды нашей культуры?

Эти толпы иных загодя пугали.

Валерий Брюсов в стихотворении „Грядущие Гунны“, снабженном эпиграфом из Вячеслава Иванова: „Топчи их рай, Атилла“, пугал:

„На нас ордой опьянелой
Рухните с темных становищ —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.
.....

зайством, закупала провизию, готовила на низенькой, круглой чугунке скромные кушанья, хранила общие, коммунальные гроши...

В неуютной комнате коммунисток постоянно толкся народ: студенты, слушательницы курсов, юнкера, оберфейерверкеры, рабочие, а иногда заходили и „генералы от революции“: Михайлов Александр, Оболенев, Адриан Михайлов, Сергей Кравчинский и другие.

В середине зимы приехали с юга два таинственных незнакомца, известные в радикальных кружках под кличками: Капитан и Михайло (Чубаров и Фоменко). Они, видимо, раньше были хорошие знакомые Маши Каленкиной. Бывая почти ежедневно в коммуналке на Английском проспекте, они, совместно с Каленкиной и Засулич, обсуждали не только теоретические, партийные вопросы, но и практические планы революционной деятельности в ближайшем будущем. И Чубаров и Фоменко принадлежали к группе террористов. В Петербург они прибыли с определенными целями — наказать Трепова за его гнусный поступок с Боголюбовым, осужденным по политическому делу в каторжные работы. За то, что Боголюбов, при встрече с Треповым во дворе дома предварительного заключения, не снял перед ним шапки, Трепов велел дать ему 25 розог. Весть об этом безчеловечном поступке всеобщего времени быстро разнеслась по камерам тюрьмы. Возмущенные товарищи Боголюбова по заключению выразили энергичный протест, стуча неистово в двери камер, разбивая окна, требуя отмены приказания об истязании закованного в цепи Боголюбова.

Тюремные сторожа совместно с караульными солдатами набросились на заключенных. Началось безчеловечное избивание протестовавших. Их за волосы вытаскивали из камер, волоком волокли по корридорам и лестницам в карцеры, где снова накидывались с кулаками и били до полусмерти...

Эта гнусная расправа тюремщиков с политическими заключенными, передаваемая шопотом из уст в уста, распространилась по городу. Либеральные кружки негодовали, но в газетах не появилось ни одной строчки об этом возмутительном факте. В радикальной среде поднялась буря. Ясно было, что поступок Трепова не пройдет ему да-

Сожгите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость в храме —
Вы во всем неповинны, как дети.
А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светлы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры“.

Но, напугавши нас так, поэт заканчивает неожиданным признанием:

„Бесследно все сгинет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном“.

В пьесе Леонида Андреева: „Царь Голод“, в час страшного восстания голодных, сытые, сбившись в роскошном зале, в ужасе кричат:

— Звери вышли из лесов!
— Орда варваров идет на нас!
— Горит национальная галерея!
— Горит Мурильо, горит Веласкес, Рубенс, Джоржоне!

То, о чем с ужасом и с внутренним оправданием этих ужасов говорят Валерий Брюсов и Леонид Андреев, нами в значительной мере уже пережито, хотя еще не изжито. Мы видели и пережили не мало ужасов, но не в этой плоскости.

Библиотеки, музеи, картинные галереи, театры не разрушены, а стали и более ценны, и более доступны. Театры стали серьезнее, репертуар при всех ошибках и недочетах — строже и выдержаннее. А если иные куль-

ром. Но время шло, а свирепый градоначальник по прежнему деспотически властвовал над петербургским обывателем, наводя на него трепет одним своим видом.

Событие в доме предварительного заключения произошло в июне 1877 года. Успел наступить 1878 и, казалось, дело Боголюбова, жестокое избивание политических заключенных, кануло в Лету...

В неуютной, сырой комнате на Английском проспекте, в „женской коммуналке“ не забыли зверства, учиненного Треповым над закованным в цепи Боголюбовым, не забыли безчеловечной жестокости, гнусного глумления оберпрокурора Сената Желиховского над подсудимыми по, так называемому, большому процессу 193-х... Очень часто в „женской коммуналке“ поднимались жаркие разговоры о темной реакции, господствовавшей в то время в России, о необходимости энергичной, активной борьбы с ней, о безнаказанности царских приспешников, гнетущих все, что есть живого, придушивших печать, изуродовавших судебные установления, земство, школу, свирепо расправлявшихся с крестьянами и рабочими.

Мама Каленкина с глазами, блестящими ненавистью, энергично говорила о необходимости теперь же, как можно скорее, начать террористическую деятельность, чтобы показать разнужданным властителям, что и на них есть управа... Капитан горячо поддерживал Каленкину.

Вера Засулич редко вступала в разговор. Только по выражению ее лица, бледного, сосредоточенного, по глазам, устремленным в одну точку, видно было, что она, так же как и Мама Каленкина, возмущена произволом насильников и готова примкнуть к кружку террористов.

Ни Каленкина, ни Засулич, ни капитан ничего определенно не говорили о реальном осуществлении в ближайшем будущем своих замыслов, но по некоторым намекам, приготовлениям можно было заметить, что готовится покушение на кого-то из высших властей.

В начале января Мама Иванова, моя невеста, и Мама Семенова переехали на Рязский проспект. Мы поселились в маленькой квартирке из трех комнаток и кухни, нанятой на имя Ивановой, и жили на полной воле, хозяевами...

турные ценности, особенно дорогие нам, пишущим, пренебрежены и растоптаны, то не массы приходится в этом винить, а нашего же брата, ослепленного партийным фанатизмом — интеллигента.

Разрушение Реймса и Лувена также не дело демократических масс, а привилегированных представителей культурной страны.

Во всяком случае, если раньше у многих из нас была только вера в то, что поднимающаяся снизу демократическая масса — не опьяненная орда гуннов, идущая разрушительным походом на все созданное вековой культурой, то теперь эта вера не могла не превратиться в уверенность. Поднялась масса изголодавшихся по духовной пище, и эта масса жадно набрасывается на книги, на театры, на школы и музеи не для истребления, а для скорейшего приобщения себя к этим ценностям.

Идут с большим аппетитом люди изголодавшиеся, люди припадающие жадными, пересохшими устами к живым источникам культуры и искусства.

Готовы ли мы, „хранители тайны и веры“?

Можем ли мы прежде всего найти общий, понятный этим массам язык? Именно общий и нам и им, а не нарочито к ним подделывающийся язык?

Мы живем среди жестокой борьбы, в хаосе разрушения, среди обломков старых устоев вековой несправедливости, в пыли и мусоре нового строительства и, чтобы нас услышали в этом грохоте, мы должны говорить громко и внятно, ярко и определенно.

Вскоре и Вера Засулич с Машей Каленкиной, перевезя к нам свои чемоданчики, оставили свою каморку на Английском, „отметившись в отъезд“... Они очень часто посещали нашу квартиру, но не ночевали у нас...

Накануне 24-го января у нас собрались вечером: Вера Засулич, Капитан, Маша Каленкина и Николай Шевырев, наборщик, общий наш приятель... Все мы уже знали, что утром следующего дня Вера Засулич пойдет к Трепову, а Маша Каленкина к обер-прокурору Желиховскому, чтобы совершить покушение на их жизнь... Настроение у всех нас было нервное, приподнятое, тревожное. Повидимому, больше волновались мы, непринимавшие активного участия в деле. Вера Засулич и Маша Каленкина казались, наружно, по крайней мере, совершенно спокойными.

Мы сидели вокруг самовара унылые, сосредоточенные. Беседа не вязалась... Одна Маша Каленкина поддерживала разговор, выдумывая всевозможные, животрепещущие темы на злобы дня.

Но того, что должно было совершиться на следующий день, никто из нас ни словом, ни намеком не касался.

Николай Шевырев, видя, что мы сидим молчаливые, никому не говоря, сбегал и принес пару пива.

Мы налили стаканы и чокнулись, молчаливо, но единодушно пожелав успеха Засулич и Каленкиной.

Вера попросила Шевырева спеть какую-нибудь грустную малороссийскую песню.

„Стоит гора высокая.

„А под горою — гай“...

задушевым, мягким тенором затянул Николай.

Капитан тихонько подтягивал ему баском. Вера обняла рукой Машу Каленкину, положила ей голову на плечо и замерла в такой позе. Семенова, в уголке, украдкой вытерла навернувшиеся на глаза слезы, а Иванова энергично хлопотала на кухне, готовя любимое кушанье коммуны: — печенку в сметане...

— Ну, будет эту... прервала на середине песню Каленкина. — Николаша, запевай — „Ще не вмерла Украина“... Давайте все хором... — энергично сказала она.

Мы подхватили песню, начатую Шевыревым.

И не в катакомбы, пустыни и пещеры должны мы унести зажженные светы, а вынести их на улицы и площади.

Продолжать вести тихие, приличные, порою такие умные и глубокомысленные разговоры, — более невозможно, как недопустимо шушукаться в обществе.

Нам, пишущим, неизбежно придется обрести новый язык, новую психику, новый подход к предметам и явлениям. Иначе мы будем выброшены из жизни, станем инвалидами и жалкими приживальщиками на земле, станем подлинно „лишними людьми“.

У поэта из народа Н. Клюева есть стихотворение, озаглавленное: „Голос из народа“.

„Вы — отгул глухой, дремучей
Обессилевшей волны,
Мы — предутренние тучи,
Зори росные весны.

Прозревается лишь в книге
Вами мудрости конец...

За слиянье нет поруки,
Перевал скалист и крут,
Но бесплодно ваши ступи
В лабиринте не замрут.
Мы, как рек подземных струи,
К вам незримо притечем
И в безбрежном поделуе
Души братские сольем.

И здесь нас трактуют, как инвалидов, правда, трактуют жалостно и любовно, но как это далеко от языка „орды опьяненной“...

Настроение несколько поднялось. Каленкина завела интересный разговор с Капитаном, вспоминая кружковую жизнь в Киеве. Капитан оживился. С юмором стал рассказывать эпизоды из революционной деятельности „киевских хлопцев“, метко характеризовать типы выдающихся деятелей южных организаций... Не только Маша Каленкина, но и Вера Засулич, увлекшись воспоминаниями, оживились и незаметно проговорили всю ночь напролет.

Утром, напившись чаю, Вера Засулич и Маша Каленкина, крепко расцеловавшись со всеми нами, ушли.

До нельзя расстроенный, в безумно нервном настроении, я вышел почти вслед за ними, побродил по Невскому и затем направился к дому градоначальства.

Как и всегда в утренние часы, около здания было оживленное движение. Танулись просители, бегали как-то господа в штатском, под'езжали пристава и чиновники...

Не помню, сколько времени я проходил по тротуару против дома градоначальника. Прозябнув, я зашел в портрную на Гороховой.

Вскоре туда забежал, хлебнуть у прилавка кружку пива, субъект в потертом пальто и, наклоняясь к сидельцу, сообщил, что Федор Федоровича убила какая-то учительна...

На вопрос портрщика: — как, что... Расскажи... субъект махнул рукой и, пробормотав: „некогда“, выбежал на улицу.

Я поспешил к нашим, на Рижский.

Маша Каленкина была у нас. Я застал ее сидящей на постели всю в слезах.

Маша Семенова успокаивала ее, глядя по голове и давая пить воду.

Я не стал спрашивать, что с Каленкиной.

Но Маша Иванова шепнула мне, что Каленкина не застала Желиховского дома... Покушение не удалось...

Узнав от меня об убийстве Трепова, Каленкина быстро накинула пальто и исчезла...

Веру Засулич я увидел только после оправдания, когда ее привезли из суда к нам на квартиру, на Рижский проспект...

Евт. Карпов.

Мы, может быть, не так еще плохи и многое можем дать массам. Но и массы могут многое дать нам. Они своею суровостью, наивностью и непосредственностью возвращают искусству, литературе, театру, печатному слову искренность и подлинность.

Некогда Некрасов молил, чтобы за каждую каплю крови общую с народом родина простила его грехи.

Наша кровь — это наше слово, и мы должны обрести слово — общее с народом.

С. Любош.

О неизданных и ненаписанных книгах *)

В прекрасной статье: „Литература и наука в мировую войну“ почтенный профессор Пав. Мижуев коснулся важного вопроса: почему мы так не отзывчивы на события, не только перекраивающие географические карты на иной лад, но и чудовищною сохой взрывающие негаданную новь. Перетасовываются конгломераты народов, меняются характеры, вчерашняя правда становится ложью, от ударов детской руки крушатся идола ветхозаветной стари. Бурные ураганы самое историю гонят в никем неподвижные русла. Что же делал в это время наш издательский рынок? Почти ничего! Как древле Микула Селянинович деревянными тычками, наши издатели боронили литературную ниву. Я говорю о том времени, когда она еще не была выжжена и выбита засухой и градом последних двух лет российского переустройства. Только в этом сказались не отсталость нашего читателя и не косность общества, нет! Я позволю себе переложить ответ за это кажущееся равнодушие с одних плеч на другие. И читатель, и общество у нас так же отзывчивы, как и за рубежом. Не их упрекать в этом.

Я за 1904—1917 годы почти оставил беллетристику, захваченный именно чуткостью „газетной публики“. Каждая статья в „Русском Слове“ вызывала письма со всех концов нашего отечества. Откликались такие медвежьи углы, где, казалось, и читателя с фонарем не отыщешь. И это было не в одну нашу японскую войну. И после продолжалось то же самое, не только продолжалось, но и росло в количестве и качестве. Радостно было работать в такой аудитории, чувствуя крепкую связь с землею, но в то же время — по мере того, как подымался русский грамотный человек — все гуще и безнадежнее обростал мохом наш издатель. Я говорю не о таких, которые тратились исключительно на изящную словесность. Наибольший успех имели мои письма с манчжурской войны. Сытин отпечатал их отдельно, но тогдашняя московская полиция сожгла его, так называемую, фабрику-типографию на Пятницкой, потому что в ней будто бы прятались революционеры. (Не было ни одного, просто варварски и подло сводились на тамерлановский образец счеты с предприимчивым издателем). После этого, я не мог найти второго издателя, а между тем, и от читателей, и от рабочих организаций получались бесчисленные запросы, почему „Слепая война“ не появляется в свет. А ведь вся Россия еще сочилась народною кровью! После этой проклятой бойни так и лежат в корректурах мои книги. Япония, разгромившая нас на Дальнем Востоке — в высшей степени возбуждала внимание широких слоев населения. Ведь оттуда ударил первый набат близкого переворота. Только одуревшие пьяные баскаки навсквозь прогнившего уклада не расслушали и не поняли зловещего „берегись!“ Редакция предложила мне поехать в Японию и в воскресавший от тысячелетней спячки Китай и дать оттуда обстоятельные очерки дел и людей. Ведь

*) Вопрос о нашей издательской отсталости, затронутый в помещенной в № 5 „Вестника Литературы“ статье проф. П. Г. Мижуева о литературе и науке в мировую войну, настолько важен, что не лишне вернуться к нему и послушать мнение на этот счет писателя с большим писательским опытом, выпустившего в свет около 150 томов.

В. И. Немирович-Данченко хорошо знаком с издательским миром и его нравами. *Ред.*

надо же было узнать, почему народ, который наши слепотствовавшие правители называли макаками, мог разбить на полмира раскинувшуюся страну закосневших в самобмане призрачного могущества кое как о в. Я провел год в этой экспедиции. Дал о наших победителях около четырехсот глав, которые появились в „Русском Слове“. Получил массы писем заинтересованных читателей. В редакцию поступили запросы, когда моя „Япония“ появится отдельной. В книжные магазины приходили читатели, искавшие этой книги, и... до 1914 года я не мог ее выпустить в свет. Восемь лет я тщетно искал издателя. Его не находилось, и только П. П. Сойкин, — один из наиболее чутких и предприимчивых деятелей книжного рынка — приложил ее к своему журналу „Природа и Люди“. Лучшее всего ответы, которые я получил от трех олимпийцев книжного прилавка.

— Помилуйте, кому она нужна — Япония!..

— Слава Богу, что мы ее забыли — разве приятно напоминать русскому человеку о том, как ему наkostenяли шею.

— Вон я издал десять лет назад *какую то* книжку о Японии. И до сих пор лежит на полках...

Один совсем чумазый, хотя и обладавший большими, нажитыми на печатном промысле капиталами, откровенно предложил:

— „Вот напишите романчик про гейш и наших морячков — не пожалую денег. Издам с рисуночками. И на обложечку пуцу наживку: голенькую японочку в красках“.

И когда я послал его к чорту — он весьма наивно оправдывался.

— „Помилуйте, что же в ней Японии — еще интересного!“

В 1916 году я в числе писательской делегации был приглашен в Англию — увидеть и рассказать в России, что делает для войны страна „просвещенных мореплавателей“. Из Англии я проехал во Францию, и когда мои товарищи вернулись домой, я оставался в Вердене. Из под Вердена мне удалось добыть паспорт на итальянские боевые позиции. Уже на русском юге в том же 1916 году я привел в порядок и приготовил к печати книгу „За огневыми завесами“ о неизгладимых и трагических впечатлениях этой — Каиновой, бессмысленной, мировой бойни. Рукопись до сих пор у меня на руках. Издателей, охотно хватавшихся за романы, на нее не было. И знаете ли почему? Да просто потому, что наш издатель не ищет книги, а ждет, чтобы книга сама нашла его и поклонилась ему земно: „выведи меня — сироту казанскую на рынок“. Сама я никак дороги туда не найду“. И, разумеется, пока писатели не соберутся в издательские артели, настоящие артели без подрядчика — до тех пор и нужные читателю книги, по преимуществу серьезные, будут оставаться в авторских портфелях.

Проф. Мижуев говорит о наводнении книг, посвященных мировым событиям, в Англии, о неослабевавшем внимании общества к ним. Там издатель служит (как он это понимает) народу и отечеству. У нас дело другого рода. В „Русское Слово“ по цензурным условиям могла проникать только часть моих наблюдений. В книге — они появились бы целиком. Могу сказать смело, что никогда еще мне не рисовалась война в таком сплошном закатном зареве угасающей стари, как в этот раз. И опять — издатели, так охотно выпускавшие мои романы, повести и очерки — никак не могли решиться на издание „Огневых завес“.

Еще более. Первые два года этой стихийной, изменившейся лица европейского мира войны я провел на боевых позициях. Письма мои об этом, особенно роковым для России, катаклизме и до сих пор не изданы. Знаете ли почему?

— Ну, что вы о войне!.. Она всем надоела! А потом вы столько о „живорезах тыла“ и „спекулянтах“ писали, что нам банки, пожалуй, кредит за ваши книжки закроют. Вон у вас: „действительный коммерции советник Карташов с сыновьями“. Издай я — с руками оторвут у меня. А ведь и в газете не решились дать ее продолжение и конец.

Свой своему по-неволе брат. Толстосумы народ памятный и метильный. Вам на них наплевать, а нам с ними жить и считаться надо!

Так эти книги и остались в области „безумных мечтаний“.

Даже Италия далеко оставила нас за флагом. Абиссинский разгром (сколько лет назад!) дал целую литературу о царстве победоносного Негуса. Все жадно начали доискиваться причин поражения и местные книжники не пожалели средств на это. Не успела начаться хищническая триполитская авантюра, как издательства Милана, Рима, Флоренции и Неаполя выбросили на рынок десятки обстоятельных, серьезных и талантливых книг о древней Киренаике и современном Триполи. Наша Россия — страна не только молчания, но и забвения!.. Можно ли было жить и развивать свои силы в такой обстановке? Тут уже не роковые события повелительно диктуют издателю — служи делу, даже не рассчитывая сейчас же нажать триста на сто! Есть родина — село, город, где я увидел свет, а отечество провалилось куда то в тартарары, а может быть, его и не было. Выдумали географы и историки, а мы им поверили. Байкал заберут японцы, а вятч резонно соображает: а нам что, мы — вятские.

Тайфуны со дна морей и океанов вздымают невиданные силы. Земная ось чуть ли не колеблется. Миллионы народа идут на смерть. В огне и крови рождается будущее человечество. Рухаются старые храмы. В щебень и пыль крошатся раскаленные ненасытные утробы современных Ваалов. Всюду на эти зовы торопилось спешно и широко издательство и книжный рынок служил, как мог, умел и понимал, великому делу обновления, — а наши перерядившиеся в сюргуки офени и мошнократы за все российское население решили: война де надоела. Только она и годится на то, чтобы снимать с народа его последнюю шкуру. Но и это надо не при свете дневном, а в потемочках, так чтобы левая рука не знала, как хапает правая. А тут издавай еще книжки, где все это рассказывается черным по белому... Дураков наших! Кто же своей утробе враг?

Вильгельму дали отпор в Англии лавочники, надевшие военную форму. У нас искатели тридцати сребренников „тоже“ надели военную форму. В этом их упрекнуть нельзя, но эта военная форма была формой земгусаров, интендантов, поставщиков и всевозможной чужезданной тли, обсевшей тыловые учреждения. Правда, были яркие исключения, но они терялись в общей массе этих невероятных элегантных и бравых молодых людей, гремевших нарочито длинными саблями по Кузнецкому мосту и Невскому проспекту. Они предоставляли солдату и офицеру — умирать на боевых позициях, а сами находили нужным сберець себя „для будущей России“ (где-то они теперь? Вероятно, благоденствуют на прекрасном западе, во время укрывшись за возделенные рубежи с своими награбленными миллионами). Эти герои на заячьем меху предоставляли умирать, бороться и истекал кровью другим — а им хорошо было и в Киеве, где они вдохновляли Скоропадского, и сейчас в Стокгольме под благосклонным крылом знаменитого Митки Рубинштейна. В свое время народ вспомнит „беглецов из стана русских воинов“!

— Мы воспитывались не на пушечное мясо!..

Вероятно, на филейное!

Писателя нельзя обвинить в роковой период русской истории — в уклонении от такой своего рода „военской повинности“.

На нашем рынке — в этой протоплазме косности, невежества и жадной похоти — книги авторской отзывчивости не появились по двум причинам:

Или они были написаны, но не изданы.

Или они не были написаны потому, что не могли быть изданы.

Не пора ли русскому издателю, если он когда-нибудь воскреснет, понять, что он не просто торгует литературой, а служит великому просветительному делу что его обязанности так же святы, как и отозванного от станка и сохи

воина, защищающего рубежи республики и свободу дорогого заплатившего за нее народа.

Вопросы, поднятые профес. Мижуревым, настолько значительны и важны, что первая глава моя — является только введением к нескольким таким о нашем издательском деле вообще. В следующих я буду говорить об издателях идейных, об издателях промышленниках и издателях за народный счет, служащих широким слоям населения. Мне давно хотелось вызвать гласное обсуждение этого важного недочета нашей предприимчивости. В стране, где, как тесто в квашне, творческую мысль и талант часто замешивает чужеземный мошнократ, полуграмотный книжник, особенно важно указать, что это за милое создание, остающееся для читателя вечным иском вне пределов досягаемости. Все упреки — падают на авторов. Никому невдомек, кто прячется за их спиной, заметая след лисьим хвостом.

До следующего раза.

Вас. Немирович-Данченко.

Пролетарское искусство.

Что такое пролетарское искусство? Если это — искусство, созданное пролетариями, и если именно пролетариат призван создавать искусство, то придется выключить из его круга, например, Толстого, аристократа, в котором ни по происхождению, ни по воспитанию, ни по применению таланта ничего пролетарского не было, который описывал кровавые войны, великосветские балы, а потом совсем отказался от земли ради Царства Небесного, благоустроению внешней жизни предпочел заботу о душе. Придется предать забвению Шекспира, государственника старого типа, собственника, приобретателя, „буржуа“ в полном смысле слова. Но с уверенностью можно сказать, что от Шекспира и Толстого никакой пролетариат не откажется, с наслаждением их читает и будет читать.

Если это — искусство, изображающее жизнь и отражающее стремления тех слоев народа, которые прежде назывались „низшими“, то нужно ли давать в руки честному пролетарию историю любовных отношений дворянина-агрия Онегина и помещицкой дочки Татьяны Лариной, и какое ему, честному пролетарию, дело до светской барыни Анны Карениной или шекспировских королей, герцогов и их придворных! Конечно, и эта старая литература не чужда известных идеалов, но никто не решится признать их специально-пролетарскими. Ждать ответа на поставленный вопрос, надо думать, не приходится.

В сущности, все разговоры и споры на эту тему сводятся именно к такого рода наивным, почти шаржированным, ненужным вопросам, которые основаны на грубом недоразумении, на смешении целей со средствами, идеалов с политикой, над-исторического с временным.

Возможна ли пролетарская комедия? Возможна и даже желательна, как всякое расширение круга ведения искусства. Была же когда-то „комедия плаща и шпаги“. Возможен ли пролетарский роман? Почему нет? — был же „рыцарский роман“. Потому что пролетариат такое же историческое и социальное явление, как рыцарство.

Но желать, чтобы искусство стало пролетарским по преимуществу, провозглашать верховенство в области искусства пролетарского мироотношения — не то же ли самое, что требовать, чтобы литература была только рыцарской, или чтобы на театральных подмостках появлялись только носители шпаг и плащей? Хуже того: это значит — подчинять искусство экономике и политике, классовый принцип, временный и одиозный (ведь смысл революции в уничтожении всех классовых разделений), принимать за неистребимую основу искусства.

Некоторые сторонники этого воззрения объясняют свои желания конкретнее и яснее. Так, в резолюции первой всероссийской конференции пролетарских культурно-просве-

ительных организаций указано, что „дух пролетарского искусства—трудоу коллективизм, оно воспринимает и отражает мир с точки зрения трудового коллектива“...

Несомненно, авторы этой резолюции разумели под трудовым коллективом среду пошире какой-нибудь данной прядильной мануфактуры, определенного стале-литейного завода или ассоциации деревообделочников. Тогда, что тут нового? Так оно всегда и было: сочинения Пушкина, Толстого, Гоголя, Достоевского мы ведь назовем не „искусством Пушкина и Толстого“, „литературой Гоголя и Достоевского“, а русским искусством, русской литературой,—тем, что русским народом создано и признано, что принадлежит тому, несомненно, (по крайней мере, в творческом, цветущем своем периоде) „трудоу коллективу“, который есть русский народ с его особым складом души и укладом общественной, хозяйственной и всякой иной жизни. Но Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Гете, Шекспир—проявления не только своих „трудоу коллективов“ русского, английского, немецкого,—они связаны еще с другим коллективом, более почтенным, более трудовым, со всем культурным человечеством, и этот великий коллектив не отказывает им в признании, находя в их творчестве выражения своих универсальных стремлений, те выражения, совокупность которых есть европейская литература, более того,—мировая литература.

Другие мечтают о новом творчестве—не индивидуальном, утверждаемом *post facta* сознанием коллектива,—а подлинно-коллективном, о некоем „соборном действе“ целых групп, создающих произведения искусства. Здесь ничего невозможного нет, и кто посмеет сказать, что искусству недоступны никакие новые пути, что великое произведение может быть зачато только в глубине обособленной, одинокой души? Утверждать это—значило бы опять-таки ставить искусству незаконные границы, которых оно не побояется, как всегда шло своим ходом, не обращая внимания на предупредительно заготовленные для него дорожки, и уж во всяком случае, нет никаких оснований эти грядущие группы творцов, станут ли они возникать внезапно или будут составляться с строго-взвешенными целями, заранее провозглашать непременно пролетарскими, да еще в том временном, большей частью вульгарном, понимании, какое придается в наши дни этому многострадальному слову.

Содержание, методы, стили в искусстве могут в зависимости от исторических условий принимать ту или иную окраску, между прочим, классовую; а в том числе и пролетарскую, и всякая борьба в этой области научно и жизненно-практически вполне законна, но сущность искусства в нее не должна быть вовлекаема, и ни на минуту не следует забывать, что вся сила искусства в том, что ставит его превыше вражды исторических сил. Тучи могут сегодня скрывать от нас снежную вершину Монблана, но мы знаем, что они растают, а она останется, непорочно белая, неуязвимая.

Н. Лернер.

Чем заняты наши писатели.

Неутомимый Л. Г. Дейч, не успев закончить одну работу из истории русской революции, принимается за новую. Свои обильные воспоминания о движении, в котором он принимал активное участие, с деятелями которой работал о бок, Дейч обогащает новыми материалами, добываемыми им в архиве, где усиленно работает теперь. Труды писателя выпускаются издательством „Задруга“—в „Голосе Минувшего“ и отдельно и будут напечатаны в предпринимаемом ныне новом периодическом издании, специально посвященном истории революционного движения и имеющем выходить под редакцию П. Е. Щеголева.

Л. Г. Дейч готовит, между прочим, интересную обширную работу об евреях в русском революционном движении. На эту тему вышла уже в Америке работа того же автора. Вопреки установившемуся мнению о доминирующей роли евреев в нашем революционном движении, Дейч

доказывает, что последним оказывают слишком большую, незаслуженную ими честь, приписывая им роль творцов, вдохновителей и инициаторов и изображая русских революционеров какими-то пемками в их руках, пушечным мясом в революционной борьбе. Это историческая неправда, которую давно пора опровергнуть, в интересах справедливости, не говоря уже о том, что эта неправда, благодаря обычному применению к евреям принципа круговой ответственности, служит поводом для проповедывания против них крестовых походов.

Плата известную дань революционному делу, евреи, за немногими исключениями (Натансон, Гершун), не выдвинули сколько-нибудь крупных революционеров и уже, во всяком случае, творцами революционного дела считаться не могут. Среди основоположников освободительного движения в России—„декабристов“ евреев не было.

Не было ни одного еврея и среди петрашевцев, как не имел соратников-евреев Каракозов. Евреи не дали ни одного деятеля, имя которого могло бы стоять рядом с именами Герцена, Бакунина, основоположника у нас социализма Чернышевского, Лаврова, Кратоткина, Нечаева, Желябова, Перовской, Засулич, Кибальчича, Михайлова, Кравчинского, Плеханова, Лизогуба, даже Ткачева и др. Выдвигая евреев, как вождей и творцов революционного дела, имевшего уже своих мучеников, когда они стали лишь приобщаться к русской культуре, им оказывают большую честь не по заслугам. Объясняется указанная историческая неправда желанием свалить ответственность на исторических „козлов отпущения“, отчасти экспансивностью евреев и свойством некоторых из них бросаться больше в глаза. Даже в наши дни, заметим, преувеличивают роль евреев, упуская из виду, что Ленин, напр., не одною головою выше своих единомышленников-евреев, что в большевицки-настроенном флоте нет евреев, как их мало в чрезвычайках, коммандатурах и т. п. учреждениях.

Труд Л. Г. Дейча, о котором мы говорили выше, обещает быть весьма интересным и прольет новый свет на историю революции в нашем отечестве.

* * *

Почтенный драматург Е. П. Карпов не сидит сложа руки. Он только что закончил свои воспоминания о Комиссаржевской и В. И. Засулич. Очерк о талантливой артистке появится в выпускаемом издательством „Светозар“ иллюстрированном сборнике-альбоме—по случаю 10-летия со дня ее смерти. Воспоминания о Засулич читатели найдут в этом № „Вестника Литературы“.

Одновременно Е. П. Карпов написал заказанный ему сценарий (для кинематографа), по его пьесе „Зарево“.

Писательская работа чередуется с занятиями в студии драматурга с начинающими артистами. Как редкий знаток сцены и опытный режиссер, Карпов очень популярен среди тяготеющей к подмосткам молодежи.

— А не задумали-ли вы какого-либо нового драматического произведения?—спросили мы Евтихия П—ча.

— Не только задумал, но уже делаю наброски для драмы, в которой найдут свое отражение современные события. К сожалению, жизнь не устоялась пока, слишком волнует вас, и наблюдателю порою трудно ориентироваться в ней, в своих собственных переживаниях, соблюдать необходимое для писательской работы спокойствие и объективность. Чтобы изображать вполне объективно события и явления жизни, надо отойти от них на некоторое расстояние, иначе рискуешь впасть в односторонность и давать неверное освещение...

* * *

Старый писатель К. С. Баранцевич, отдавая свое любимому занятию—огородничеству, попутно ведет вот уже второй год свои „Записки“, в которых значительную часть занимает освещение современных событий.

Кстати отметим, что Комиссариат по просвещению назначил Баранцевичу ежемесячную государственную пенсию около 2.000 руб.

* * *

Очутившиеся вне Петрограда, после октябрьского переворота, столичные писатели и журналисты вели и ведут и по сей час кочевой образ жизни. В данное время лишь немногие приобщились к советским изданиям. Другие уехали на Дон и за границу.

Первым этапом для пишущей братии явился Киев.

Профессор А. П. Пиленко, бывший сотрудник „Нового Времени“, управлял делами обширной соединенной промышленной организации „Протофис“, выдававшей большие авансы в счет будущих литературных услуг. Пиленко собирался затем издавать в Одессе газету „Вперед“, но должен был перебраться на Дон, где и находится теперь.

Б. депутат Госуд. Думы Шульгин, сыгравший известную роль в деле отречения Николая II от престола, издавал на родине своей „Голос Киева“, а затем переселился в Одессу, где издавал большую газету „Россия“. Она выходила недолго и была закрыта французскими властями. В настоящее время Шульгин также находится на Дону.

Некоторые бывшие сотрудники „Речи“ и „Виржевых Ведомостей“ устроились было в выходящем в Киеве „Вечере“, который редактировал Л. Н. Неманов.

Основатель газеты „Русская Воля“ в Петрограде М. М. Гаккебуш-Горелов издавал в Киеве газету „Мир“, на которую отпустил средства консорциум банковских деятелей. Всего вышло 10 номеров. В газете этой, между прочим, подвизались б. сотрудник „Нового Времени“ и редактор „Вечернего Времени“ Л. Ю. Гольдштейн и Язон (генерал Носков). Последний сотрудничал и в немановском „Вечере“. Гольдштейн и Носков покинули затем Киев и перебрались в Одессу, откуда первый уехал во Францию через Константинополь.

В „Мире“ работал Дроздов из „Речи“, выбывший потом в Крым.

Подвизался в Одессе П. Я. Рыс. В Киеве он не поладил с издателями и работал в „Одесском Листке“, закрытом, как и другая местная газета—„Одесские Новости“, с водворением Советской власти.

В Одессе-же выходила некоторое время газета „Наше Слово“, явившаяся как бы филиальным отделением прежнего московского „Русского Слова“. Там работали др. Благос, С. Яблоновский, Варшавский и др.

Вас. Регинин, юморист и каррикатурист Линский и С. Оречкин приобщились в Одессе к „Голосу Красноармейца“.

Б. издатель „Вечернего Часа“ Ф. Н. Зейлигер и б. фактический редактор этой газеты П. Д. Зайкин выпускали в Киеве „Наш Путь“ в двух изданиях—утреннем и вечернем. С появлением „петлюровцев“ газета прекратила свое существование. Пытался Ф. Н. Зейлигер возродить свою газету в Одессе, но попытка не удалась.

В Киеве же выходила под редакцией сотрудника „Нового Времени“ Ксюнина газета „Призыв“ на средства негодянта Анатра и Андро. Всего вышло около 40 номеров. Отсутствие бумаги создавало большие затруднения для издательства, а появление большевистских властей заставляло совсем закрыть газету.

Талантливый А. Р. Кутель сотрудничал в старой киевской газете, менявшей несколько раз свое название („Киевские Отклики“, „Киевская Мысль“ и т. д.), и ныне находится в Петрограде.

В. М. Дорошевич к провинциальной журналистике не приобщался, одно время хворал в Одессе, а теперь живет в Крыму. Там-же находится и Аверченко, который продолжает писать для сцены свои миниатюры и лично участвует в их исполнении на ялтинских подмостках.

А—в.

Среди книг и брошюр.

Книжное оскудение.

Замечавшаяся за последние месяцы тенденция книжного рынка к оскудению—все более и более прогрессирует и принимает положительно угрожающие размеры. Особенно заметно исчезновение сколько нибудь значительных ценных сочинений и научных трудов, относящихся к разным отраслям знания. Все хорошие книги уже разобраны жаждающими знаний, так что остается только „второсортный товар“, малоценные в научном отношении труды. Даже в такой отрасли, как математика,—и то уже невозможно найти серьезную, хорошую книгу. Остались только учебники различных профессоров от прежних лет и легионы задачников. Но поищите вы классиков—Вебера и Велльштейна, Трейтлейна или русских авторов, Астриба и Кулишера,—и увя,—ничего не найдется.

Что касается физических наук, то дело тоже обстоит не лучше. вновь выходящие труды серьезного характера можно пересчитать по пальцам. К тому же и цены возрастают не по дням, а по часам. „Физика“ Хвольсона, изд. 1919 г., стоит 85 руб. за том и т. п.

Вообще, приходится отметить, что книжное дело глохнет и замирает, и что перспективы в дальнейшем представляются весьма неутешительными.

Магазинер, Я. проф. Лекции по государственному праву. Петроград. Изд. „Кооперации“, 1919. 234 стр. Ц. не обозначена.

Несмотря на сжатый объем, в этой книжке изложены все основные, так волнующие ныне вопросы общего государственного права. Я. М. Магазинер думает и пишет не по шаблону. Особенно оригинальны здесь 1, 4, 5, 7, 8 и 11 главы. Первая трактует вопрос о существе государства. Обычно оно определяется, как учреждение, существующее, по мнению одних, во всеобщем интересе, по мнению других в классовом интересе. Автор удачно разрешает эту основную антиномию в том смысле, что добросовестный орган власти руководится мыслью о всеобщем интересе, но этот всеобщий интерес он видит в интересе определенных классов. Далее автор устанавливает основные законы „кодекса социальной дуэли“: возможность социальной борьбы и минимум затрат на эту борьбу (гл. I). Свообразную границу намечает автор между социологией и правоведением: даже когда эти науки изучают один и тот же объект—право, социология берет его, как часть общественности, а правоведение, как целостную, законченную в себе систему (гл. IV). Новую для курсов общего госуд. права является глава об источниках госуд. права; в особенности, важны характеристики фикций и презумпций, прецедента и диспозитивного права; здесь автор вводит своеобразный источник права—*не право*, анализируя соотношение между революцией и правом. Наиболее полную разработку получил трудный и нерешенный в науке права вопрос о природе органа государства; защищая учение Ориу, автор дает самостоятельное обоснование новому учению об органе, как носителе своего собственного права—служить народу; затем конструируется роль органа, как представителя государства и его отличие от всякого иного представителя (гл. VII). В гл. VIII подвергается анализу идея суверенной власти государства, и логически выводятся из нее независимость, единство, всемогущество и вечность суверенитета. В гл. IX—разделение властей, и в особенности—анализ учредительной власти; здесь же дан и очерк нашей советской конституции 1918 г. Автор дает подробную характеристику всех государственных форм современности—федерации, автономии, конфедерации. Очерк этот нуждается в большом развитии и в большом критическом анализе, что, наверное, в следующих изданиях и найдет себе место. Наконец, проф. Магазинер касается парламентаризма, народоправства, конституционализма освещая их данными последнего времени. Работа заканчивается конструкцией института республики и ее отличия от монархии. Это—наиболее своеобразная часть работы. Автор видит отличие республики от монархии в том, что монарх есть высший орган государства, которому могут быть только равные, но не высшие, а президент—орган подчиненный, над которым обязательно должен быть высший орган, избирающий, судящий или смещающий президента. Из этого признака автор выводит ряд важнейших отличий республики от монархии: право „вето“ и роспуска парламента, бессрочность и безответственность—с одной стороны, и полное отсутствие этих прав у рес-

публиканского главы государства—с другой. В книге рассматриваются также вопросы конституционного права, причем теоритическое положение иллюстрируется многочисленными примерами из новейшей практики Европы и Америки. Все изложение сделано сжато, ясно и просто, так что пользование книгой доступно широкому кругу читателей. И этим также курс Магазинера выгодно отличается от прежних громоздких академических курсов.

В. С.

„Северное Сияние“. Журнал для детей (9—12 лет) № 1 — 2. Издание Комиссариата по Просвещению и Комисс. Социального обеспечения. Петербург. 1919.

По своему общему характеру первый № нового детского журнала напоминает выходившие в дореволюционное время „Задушевное Слово“, „Светлячок“ и т. п.: те же обязательные приложения разных „прикладных работ“ для вырезывания и склеивания, та же „страница задач и забав“ с известными головоломками и спичечными работами, тот же отдел смесей, под общим заглавием „Клуб любознательных“. Но, конечно, центр тяжести не в этих отделах, а в том литературном материале, который предлагается новым журналом юному читателю. Как видно из помещенного в начале номера „Слова к взрослым“ (от редакции), написанного М. Горьким, „Северное Сияние“ наметило себе похвальную задачу „воспитать в детях дух активности, интерес и уважение к силе разума, к поискам науки, к великой задаче искусства—сделать человека сильным и красивым“. Журнал добавляет, что главное внимание его будет обращено не на деревню и природу, по существу враждебные человеку, а на город—местолище разумных сил, сказочных замыслов и великих достижений.

Каким-же образом журнал осуществляет свою программу? Для начала он дал ряд произведений, принадлежащих перу М. Горького (сказка „Яшка“), В. Шишкова (сказка-быль „Медвежье царство“), А. Чапыгина (рассказ „Мимо звезд“), В. Авенариуса (рассказ „Каменный топор“), В. Мазуркевича (очерк „Книга, ее друзья и враги“), несколько стихотворений Ф. Грошикова, Н. Туленева и Василия Князева и иллюстрации художников П. Вучкина и В. Конашевича.

Кроме того, помещены произведения анонимных авторов: рассказ „Чернорабочий“ и очерк „Северное Сияние“. На первый взгляд—материал богатый и разнообразный,—но по ближайшему ознакомлению замечается некоторое однообразие по содержанию: три более или менее значительных беллетристических произведения—сказки („Яшка“, „Медвежье царство“ и „Мимо звезд“), причем в двух из них авторы заставляют видеть своих героев сны, во время которых они и переживают самые невероятные приключения; прием очень удобный: мало ли что во сне привидится. Сказки, в особенности „Медвежье царство“, написаны красивым, сочным, образным, может быть, даже слишком образным для детского понимания, языком.

Нельзя согласиться с тенденцией, проводимой М. Горьким в его „Яшке“: едва ли в детях разовьется уважение к великой задаче искусства—„сделать человека сильным и красивым“ от того, что они, со слов автора, представят себе Бога Саваофа в образе скачущего в раю старца, который, морщась, говорит мученикам: „ну, пострадали, помучились. Покорно вас благодарю за это, только спели бы вы хоть разок веселое что-нибудь, а?“ Едва ли также очень красиво изображение „шестнадцати тысяч святых девственниц“, „которые в стороне лежат, сохнут, в коленицы сложены“. Не очень разовьется эстетический вкус детей и от иллюстраций к этому произведению, написанных в стиле каррикатур в „La Bible amusante“ „Zeo Taxil“а. В общем журналу нельзя отказать в литературности, и, принимая во внимание его благие цели, следует пожелать ему успеха.

С. Ф.

И. Берлин. Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства. Изд. Еврейской исторической библиотеки, Пг., 200 стр. Цена 20 руб.

Книга И. Берлина посвящена изучению важной исторической проблемы. Автор, кроме изданного материала, пользовался рукописным, неизданным. Книга делится на три неравномерных главы. Глава первая исследует положение „евреев в южной Руси до эпохи образования русского государства“. Своё изложение автор начинает с разбора существующих гипотез по вопросу об еврейской колонизации в восточную Европу. Автор не примыкает ни к одной гипотезе и считает эту колонизацию „как результат сложного, многогранного и длительного исторического процесса“. Этот свой взгляд Берлин доказывает историческим материалом на протяжении 132 стр., обнимающих всю первую главу. Вторая глава трактует „о евреях в южной Руси в эпоху Киевского и Галицко-Волынского княжества“, последняя—третья глава „о евреях в южной Руси в литовско-польскую эпоху“.

В этих двух главах автор, главным образом, отводит внимание исследованию культурно-экономического и общественного быта евреев, разнообразных причин и условий еврейского

передвижения на территории указанных государств, а равно и культурно-экономическому влиянию, следы которого не трудно найти в некоторых моментах исторической и общественной мысли в древней Руси.

По богатству научных данных, одинаково интересных и необходимых для историка и для историка литературы древнего периода, а равно и для этнографа, книга эта заслуживает внимания в серии исследований о русско-еврейских взаимоотношениях в их историческом освещении, и это, несмотря на некоторую зависимость автора от русских исследователей в части, касающейся позднейшего периода этих взаимоотношений,

А. П.

„История Русской Революции“. П. Н. Миллюкова. Киев. Вып. I. 1919.

В Киеве началось печатание „Истории Русской Революции“ П. Н. Миллюкова. Пока вышел первый выпуск. В выпуске этом имеется масса фактического материала, относящегося к октябрьскому перевороту. Материал расположен в хронологическом порядке, освещен автором, как само собой понятно, с партийной и субъективной точки зрения. Это, в сущности, дневник автора, который сам принимал непосредственное участие в Февральской Революции и в дальнейших стадиях ее развития.

Книга сопровождается общим историческим очерком, в котором Миллюков проводит мысль, что деятели октябрьского переворота являются прямыми преемниками Болотникова (эпохи смутного времени), Пугачева и Разина и что большевистское движение представляет собою специфически русское явление; он не находит в нем подлинного социализма или коммунизма.

В.

В доброе старое время.

Подвизавшийся в одесской почте в 80-х годах В. М. Ворт в своих воспоминаниях в № 5 „Вестнике Литературы“ напомнил о „добром старом времени“ и попутно поведал о моем журнальном страстотерпстве в провинции, где мне приходилось иметь дело и вести борьбу с удивительными экземплярами цензурной породы. Я, действительно, прошел в провинции чрез такую цензурную муштру, что мой рассказ по возвращении в столицу на одном литературном собрании был принят одним из моих собеседников за анекдоты или курьезы из эпохи блаженной памяти Красовского.

Правда, в мое время собачья кличка „Тиран“ не заменялась произвольно цензорами названием „Трезор“ в объявлениях о пропавшей собаке, и в поваренной книге не зачеркивался рецепт—„поставить пирог на *вольный* воздух“, но, напр., слова „зеленый цвет“ тщательно вычеркивались, чтобы не обидеть одесского градоначальника *Зеленого*.

Один из моих одесских цензоров охранял и священную особу императора Вильгельма, усмотрев „оскорбление величества“ в сравнении его с японцем Осаки.

Если цензор так благоволил перед Вильгельмом, то можно себе представить, как он выходил из себя, когда дело касалось прерогатив русского императора.

На перепечатке из петроградского официоза — „С.-Пет. Ведом.“ о военной форме цензор начертил: „Нельзя печатать. Про это лучше знает Хозяин России“...

Даже из „Правительственного Вестника“ не всегда допускались перепечатки, ибо—поясил мне однажды цензор—он („Вестн.“) издается в Петербурге, а там вот и царя убили“...

Это знало: в огороде бузина, а в Киеве-дыдка...

Статья „о типах детей в семье“ найдена была неудобной, ибо у читателя может-де возникнуть мысль о ненужности розог, признанных самим Пироговым...

Даже столп высокопатриотического „Нового Времени“, ныне здравствующий „господин Буренин“ объявлен был цензором неблагонадежным, и его „болтовня“ неудобной для перепечатки, в виду отрицательного отношения к „исторической личности“ высокопреосвященного Никанора.

Если В. П. Буренин попал в синодик нецензурных писателей, то писатели прогрессивного лагеря были совсем изъятые из газетного обихода, и мне пришлось, как редактору, отказаться от сотрудничества откликнувшихся на мое приглашение Мордовцева, Михневича, Португалова, Градовского, Острогорского, Исаева и др.

— Они — заявил цензор — живут в столице; пусть и пишут там! Цензор в своем усердии хватил однажды через край.

В 40-х годах издан был циркуляр о недопустимости возбуждения „необузданных порывов патриотизма“. И одесский опричник выбросил из заметки о молебствии, по случаю 50 л. высокопреосвященного Никанора, фразу о провозглашении многолетия царскому дому. Этим воспользовался шустрый издатель газеты, полетел в Петербург с жалобой на переусердствовавшего цензора. Последний был немедленно устранин и возвращен в Петербург, откуда иногда сводил счеты с одесскими журналистами по новой должности в Главном Управлении.

И петрудно представить себе, до чего доведена была бы одесская печать, если бы невежественный самодур из отставных фельдшеров продолжал заниматься ее „удушением“, выражаясь модным словом.

Министр народного просвещения эпохи Николая I гр. Уваров, известный гонитель Пушкина, увековеченный поэтом, заявил однажды, что хочет, чтобы русская литература и вообще печатное слово совсем прекратились, дабы он мог спать спокойно. В то время цензура находилась в ведении министерства народного просвещения.

Восстань Уваров из гроба, он увидел бы теперь почти осуществленную свою заветную мечту: русская литература, вследствие типографской, бумажной и других развух, почти прекратилась.

Ни журналов, ни газет и очень мало книжных новинок! В ход пошли старые книги. Букинисты превратились в антиквариетов, книголюбы — в покупателей книжных редкостей, сбываемых на вес золота.

Нет книг и журналов.

Не стало нынче и цензоров.

На Пушкинском торжестве в Петербурге, по случаю открытия в Москве памятника поэту, старый цензор Золотницкий пил за здоровье писателей.

— Да, вы должны пить за наше здоровье — язвительно заметил старый публицист Г. К. Градовский — если бы нас не было, и вам нечего было бы делать...

И чем суровее были времена, тем лучше жилось цензорам-кровопийцам, тем жирнее они кормились около печати.

* * *

„В доброе старое время“ отличались поголовно безграмотностью и не ладили с буквою ж „верхи“ и „низы“.

А. Жемчужников писал о дворянах:

Ведь эти господа — я очень знаю их —
По части русского правописанья
Упорное всегда ведут соревнованье
С кунцами лавок мелочных.

Граф Строганов писал „вышѣ“ и „нижѣ“. Военный министр Сухованет положил такую резолюцию: „Сумлефаюсь штои по зпну эфто дело оболванить кюлю“. Иначе говоря: „Сомневаюсь, чтобы Повен мог подготовить это дело к июлю“.

Не давалось правописание прекрасному полу, на который, очевидно, намекал Пушкин, когда писал:

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не терплю.

Наше время нивелировало, подвело под один ранжир оба пола и все классы, ибо все с точки зрения старой орфографии одинаково безграмотны.

Теперь и большой писатель, и скромный репортер, не всегда уживавшийся с буквою ж, уравнины в... правописании.

Академикам, ратовавшим за новое правописание, не приходится краснеть перед школьниками, считавшими себя самыми грамотными, ибо не мало слез пролило было ими за одно коварное ж.

Кстати, некий мудрец в письме к нам усмотрел подлинный „большевизм“ в статье о новой орфографии. Выходит, что и наши академики, и 2.000 педагогов, участвовавших в московском съезде словесников несколько лет назад, и Л. Н. Толстой, и проф. Сакулин, и кадетский министр Мануйлов — исповедывали большевизм еще до 25 октября 1918 г.

Так пишется история!

А. Кауфман.

СКОРБНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

П. Д. Боборыкин.

Еще одним крупным русским писателем стало меньше. В Ментоне скончался на 83-м году жизни Петр Дмитриевич Боборыкин. Немногие из наших писателей отличались такою необычайною литературною плодотворностью и чуткостью, как Боборыкин. В этом отношении покойный писатель занимает совершенно особое место в нашей литературе.

И. С. Тургенев в своем письме к М. Е. Салтыкову, намекая на писательскую плодотворность и чуткость Боборыкина, заметил, что на развалинах мира он будет писать роман, где воспроизведены будут последние „веяния“ погибающей земли... „Посмотрите — писал И. С., — он кончит тем, что будет воссоздавать жизненные факты за пять минут до их зарождения“...

Неизвестно, — запечатлел ли покойный беллетрист в своем швейцарском уединении, в Лугано, последние „веяния“ лежащей теперь в развалинах старой Европы, и катастрофические события, пережитые и переживаемые и по сей час его родиной, но несомненно, что до последнего вздоха своего он не выпустил пера из своих рук.

По количеству написанного им, по обилию затронутых им тем и бытовых сторон нашей жизни, по разнообразию писательских амплуа своих Боборыкин побил все рекорды и не имеет себе равного в литературе. Об его широком захвате жизни, легкой манере живописать явления, порхать с одного предмета на другой — написано не мало.

В редакции „Новостей“, где я в 80-х годах встречал часто Боборыкина во время его приездов из-за границы, он сообщил следующее о процессе своего писательства:

— Замысел является мне неожиданно, непроизвольно и в образах, причем — всегда вокруг общей творческой идеи... Я беру какое нибудь явление, какую нибудь „полосу жизни“ и записываю одною фразою, — большою частью, эта отметка служит мне заглавием предстоящего романа... Это то, что французы называют „idée-mère“.

Какое у этой „idée-mère“ обширное потомство, — об этом красноречиво свидетельствуют больше ста томов романов, повестей, рассказов и новелл.

Бальзак за 20 лет работы написал 97 вещей разных названий.

Писемский некогда хвастался, что на своем веку пустил в жизнь до 400 образов. Какую же цифру считать героев Боборыкина?

Если типов, созданных Чеховым, было бы достаточно для небольшого уездного городка, то персонажами Боборыкина можно было бы заселить целую губернию.

Боборыкин умел улавливать всегда и заносил в свои записные книжки, откуда переносил в свои произведения, характерные черты русского быта и общественные течения, когда они едва намечались, когда струи жизни едва пробивались из-под почвы наружу, на свет Божий.

Задолго до Зола Боборыкин в своем романе „Жертва вечерняя“ положил основание, так называемому, „протоколизму“.

В „Дельцах“, „Китай-городе“, „Из новых“, „На ущербе“, „Перевале“, в повести „Прорыв в вечность“ и в других беллетристических произведениях, перечисление коих заняло бы много места, наблюдательный романист дал нам целую галерею типов, выхваченных из сменявшихся при нем поколений дельцов, европеизированных Кит-Катычей, карьеристов, ренегатов, белоподкладочников, сверх-человеков, так называемых, толстовцев, богоискателей, хамов всякого рода и вида. В одном из лучших своих произведений — в „Василии Теркине“ — Боборыкин изобразил нам практика в лучшем, по его мнению, смысле этого слова.

Помню, еще до появления его пьесы „Накипь“, где выведены декаденты, Боборыкин, которого я посетил по приезде из провинции, с места в карьер стал меня „интервьюировать“ о провинциальных декадентах, изучением коих он был тогда охвачен.

— Меня упрекали—сказал мне несколько лет назад П. Д., когда мы встретились с ним в Риме—что я не вынашиваю своих произведений. Между тем, я пишу всего только два часа в сутки и имею возможность обдумывать свои сюжеты на досуге.

— Как вы проводите остальную часть дня?—спросил я Боборыкина.

— Я много читаю, вернее, мне жена читает с тех пор, как я ослеп на один глаз. Я изучаю постоянно новые языки, что дается мне очень легко, благодаря моему собственному методу: я чуть ли не наизусть знаю библию. Вот и достаю библию на незнакомом еще мне языке и принимаюсь за чтение, пока не усвою языка...

Если беллетристические произведения писателя не были запечатлены глубиной анализа и психологического проникновения, зато он всегда обнаруживал в них большую наблюдательность, и его новые романы ожидалось с интересом и усердно читались.

Боборыкин был не только беллетрист и драматург. Он по своему образованию (в двух русских университетах и заграничных, где слушал знаменитых ученых) и по своим трудам (был медиком, физиологом, химиком, философом, публицистом, фельетонистом. Он открыл в „Новостях“ впервые злободневную рубрику „О чем говорят“. Знала читающая публика Боборыкина, как критика, рецензента, редкого знатока театра, которому он посвятил первое у нас руководство для артистов. Он был корреспондентом многих газет, между прочим, с театров военных действий. Его перу принадлежат учебники по физиологии, химии, диссертация по юриспруденции и т. д., и т. д. Занимался Боборыкин на заре своей деятельности издательством, купив у Писемского „Библиотеку для чтения“, но издательская деятельность его окончилась крахом.

Боборыкин был известен и как талантливый лектор, выступавший не раз с публичными лекциями об искусстве, театре, литературе, о Мицкевиче, Прудоне и др.

Человек, так много писавший, не мог, разумеется, обнаруживать большую прямолинейность в своих воззрениях и взглядах. В своей статье „Красота, жизнь и искусство“, напечатанной в „Журнале философии и психологии“ за 1903 г., П. Д. резко разошелся с автором „Эстетического отношения искусства к действительности“, Н. Г. Чернышевским и упрекал русскую критику за уклонение от эстетических задач, во имя морали и публицистики, а в своих лекциях и статьях до появления упомянутой статьи, как указал в свое время Михайловский, он посылал упреки Флоберу за отсутствие „гражданских мотивов“ в его произведениях.

В разное время Боборыкин относился разное и к народничеству. В одном итальянском журнале он в 80-х годах громил народничество, а в романе „В усадьбе и на порядке“ он как будто является народником, да и в лице Василия Теркина вывел своего рода народника.

Не всегда можно было соглашаться с талантливым писателем, но одно несомненно: он всегда звал к культуре, прогрессу и гуманности.

Писал Боборыкин не только в итальянских журналах, но и во французских, английских, испанских и т. п. журналах, общелитературных и научных, начиная от „Philosophie Positive“ и кончая „Fortnightly Review“.

Иностранцев Боборыкин знакомил с Россией, а в русских изданиях он делился с читателями богатым запасом своих наблюдений за границей, где жила подолгу и где его хорошо знали и ценили. В своих воспоминаниях „За полвека“ он упоминает о 150 знаменитостях, с которыми сталкивала его судьба. Среди них были: Клод Бернар, Бертелло, Лабуль, Тэн, Ренан, Сэ, Катрфаж, Шарко, Гюго, Дюма, Коппе, Сюлли-Прюдом, Сарсэ, Луи Блан, Гамбетта,

Вирхов, Гнейст, Моммсен, Милль, Спенсер, два римских первосвященника, с которыми Боборыкин сподобился беседовать, и др. К этому списку надо прибавить многих корифеев русской литературы, с которыми он был лично знаком. Еще одну особенность Боборыкина следует отметить: это его постоянную „жизнерадостность“, употребляя пущенное им впервые в оборот слово. И не одним этим словом, кетати сказать, обогатил наш язык писатель. Популярное у нас слово „интеллигенция“ привилось, благодаря ему.

Известный русский лексикограф Михельсон говорил как-то, что от Боборыкина он ввел в свой словарь до тысячи новых слов.

Значительный интерес представляют произведения Боборыкина для будущего историка, который найдет в них любопытные человеческие документы, характеризующие целые эпохи русской жизни.

А. Евгеньев.

О Меньшикове и Розанове.

De mortuis aut bene, aut... veritas.

При несомненно выясненных обстоятельствах погиб талантливый публицист М. О. Меньшиков. Как у нас уже сообщалось, он был расстрелян в гор. Валдае. Трагическая кончина писателя прошла почти совершенно незамеченной, по вполне понятной причине—за отсутствием газет. Между тем, покойный писатель сыграл значительную роль в нашей публицистической литературе. Это была незаурядная писательская величина. Самые суровые противники Меньшикова не могли отказать ему в крупном даровании, публицистическом темпераменте, в большой чуткости и разнообразных знаниях. Меньшикова читали и те, кто с ним не соглашался, читали, когда в „Неделе“ он выступал ярким „толстовцем“, проповедывал „непротивление злу“ и любовь к ближним, не исключая инородцев; читали его и в „Новом Времени“, на столбцах которого он сжигал то, чему раньше поклонялся.

Оправдывая однажды свое участие в газете, где сотрудники не всегда сходились во взглядах, Меньшиков удачно назвал „Новое Время“—„парламентом мнений“. Еще правильнее было бы сказать, что каждый сотрудник этой газеты,—да и сам Меньшиков—изображали собой особый парламент мнений.

Издатель „Нового Времени“ А. С. Суворин в Коршевских „С.-Петербургских Ведомостях“ распинался за реформы и прогресс. Собрание фельетонов талантливого „Незнакомца“ под заглавием „Всякое“ подверглось ауто-да-фе, а автор привлечен был к суду. Даже в „Новом Времени“ Суворин призывал иногда к любви и справедливости. „Будьте справедливы!“—так, помню, озаглавлена была одна из его статей. И эти призывы к справедливости не мешали Суворину проповедывать крестовые походы против либералов и чинить на столбцах своей газеты расправы над инородцами.

Другой столп „Нового Времени“ из тех же Коршевских „Ведомостей“, ныне здравствующий старый писатель, должен был за свою неблагонамеренность прекратить печатание своих злободневных фельетонов и перейти на ампулу журнального обозревателя, скрывшись под инициалом.

Ярый гонитель инородцев, обозреватель этот явился литературным крестным отцом поэта-еврея Фруга, содействовал выходу в свет первого сборника его стихов, сам просматривал их в типографии, благожелательно относился к другому поэту из евреев, которого потом до гробовой доски преследовал своим злословием и клеветой. Свириный критик горячо заступился однажды за Н. К. Михайловского в сатирических куплетах, направленных против автора бестактной выходки в „Руси“ Гайдебурова-сына и разил своими рассказами своих будущих единомышленников по

„Новому Времени“, в роде Каткова, Б. Марковича, К. Скальковского и др.

У свежей еще могилы третьего столпа „Нового Времени“, почти гениального В. В. Розанова не будем говорить об его противоречиях, непостоянстве его взглядов и неустойчивости в отношениях к отдельным людям и целому народу. „Русский Ницше“ был весь соткан из парадоксов. Это был поистине „человек парадоксов“. Попробуйте изложить одновременно высказанное автором „Уединенного“, „Опавших Листьев“, „Легенды о великом инквизиторе“ и др., в виде афоризмов,—и вы получите собрание парадоксов, часто идущих вразрез один с другим.

Сам Розанов, как бы отвечая на обвинения в непостоянстве, писал:

„Удивительно, как я удеываюсь с ложью. Она никогда не мучила меня. И по странному мотиву: „А какое вам дело до того, что я в точности думаю, чем я обязан гордиться свои *настоящие* мысли... Я точно всю жизнь жил за занавескою... Там я жил, там с собою был правдив“.

Умирая, Розанов призывал к миру, любви, прекращению литературных ссор и злобы. А в печатаемых ниже двух посмертных письмах он благословляет евреев и просит у них прощения за все причиненные им обиды...

М. О. Меньшиков печально окончил свою жизнь и не имел возможности оставить нам свои заветы в духе любви и мира. С проповедью „мира в человеках“ Меньшиков выступал на заре своей литературной деятельности. Цитируя в одной из своих бесед в „Неделе“ исследование о Вавилоне, талантливый публицист писал: „Иудейство донесло до христианства драгоценнейшие заветы кротости, любви, прощения, стремления к чистоте божественной. Пророки были голосами глубокой народной мудрости“...

В другом месте он говорит: „Мы, часто враждебные евреям, презирающие их, не замечаем, что в самых священных областях духа своего мы им покорны и иногда более, чем они сами себе. Не только отдельные лица, но и целые народы христианские живут принципами Пятикнижия, сами того не подозревая“.

Оплакивая скончавшегося 19 лет тому назад философа Владимира Соловьева, которого он близко знал, Меньшиков был крайне потрясен рассказом С. Н. Трубецкого о том, что перед смертью Соловьев горячо молился за благоденствие еврейского народа.

„Очень красивая сцена—писал Меньшиков в „Неделе“ (№ 33 за 1900 г.)—и прямо просится на картину: Соловьев, действительно, любил евреев, болел за них. Я сам слышал от него не раз, как, говоря о них, он шутливо называл их—„мой народ“. Он называл эту древнюю расу народом „богорождающим“, не будучи в силах забыть величайший в истории подвиг этого племени, тот, что из него именно явился Христос. Пусть евреи, книжники и фарисеи, отвергли Его, но народ, сумевший в течение полутысяч лет развить в себе силы, достойные для появления в нем Богочеловека,—не простой народ, а какой-то особенный... „Бог—один“: это убеждение избранный народ успел внушить двум третям человеческого рода, и это заслуга немалая“.

И не только, как глубоковерующий христианин, обязанный, по его словам, иудейству величайшею благодарностью, ибо „мой спаситель был иудеем, иудеями же были пророки и апостолы“, Соловьев любил евреев. „Влад. Соловьев,—продолжает Меньшиков,—не мог не любить евреев, уже как поэт и мыслитель; слишком уж волшебна по продолжительности и судьбе история этого народа, слишком центральна его роль в жизни нашего духа, слишком трагичен его удел“...

Но это не все!

Оказывается, по теории Меньшикова, что сам знаменитый богослов, философ, мыслитель и поэт был „еврей“, в благородном смысле этого слова, по тайному смыслу своей души, по ее священным напевам, хотя в его жилах не было ни одной капли еврейской крови.

Иначе говоря, высокоблагородные натуры, в роде Соловьева, „по тайному тексту души“, евреи.

Известно, что Вл. С. Соловьев—по отцу чистокровный русский, но мать его была польской породы. Поляки же, по словам Меньшикова, сильно перемешаны с евреями.

„Возможно,—писал Меньшиков,—что наш философ и в жилах своих ощущал несколько капель библейской крови; его наружность дает право на это предположение. Но если бы оказалось и не так, то все же мягкая славянская душа в нем была существенно преобразована библейскими началами христианства, и он мог назваться *иудеем*, может быть, в большей степени, нежели многие современные евреи... Он верил так, как мог верить в Христа—пламенный его последователь, только что вышедший из еврейства... Вл. С. Соловьев, христианин по имени, при всей кротости своего характера, бессознательно был евреем“...

И как знать, умри М. О. Меньшиков естественною смертью и при других обстоятельствах, и его уста, быть может, произносили бы молитву, которую читал умиравший Соловьев, и он, по примеру В. В. Розанова, заповедал бы нам мир, любовь и другие евангельские истины,—словом то, что он не раз проповедывал в своих талантливых „Откликах“ в „Неделе“ 18—20 лет тому назад и что так важно и необходимо в переживаемые нами дни...

А. Евг.

Г. Н. Тимофеев.

В лице скончавшегося Г. Н. Тимофеева, музыкальная критика лишилась деятельного представителя, писавшего во многих изданиях и с большим рвением. Не отличаясь блеском стиля, его труды отмечены, тем не менее, любовью к искусству и верою в него. Умер Г. Н. пятидесяти двух лет, посвятив полжизни музыкальным изысканиям. После теоретических занятий с А. А. Петровым и Н. А. Соколовым, Г. Н. начал свой литературный путь в 1893 г., в „Русской Музыкальной Газете“. Музыкально-критическая работа не всегда у него подвигалась так скоро, ибо и военные занятия требовали своего: сын генерала, Г. Н. получил военное образование в Петербургском Павловском училище. Временный выход в отставку позволил ему особенно развернуть свою журнальную деятельность. Масса его статей, рецензий и заметок помещалась в „Сыне Отечества“, „Руси“, „Речи“, „Русских Ведомостях“, „Вестнике Европы“, „Русской Мысли“, „Музыкальном Современнике“, причем главные статьи посвящены Шопену, Листу, Даргомыжскому, Стасову. Две брошюры Тимофеева: об Алябьеве и кн. Одоевском увенчаны почетными отзывами Академии Наук. Несколько статей (о Григе, Римском-Корсакове, Кюи) оставлены им в готовом виде... Последнюю статью почившего критика („Музыкальность Тургенева“) постигла трагическая участь: она была уже набрана для „Нивы“, но... журнал прекратился. Много сил и кропотливых изысканий потрачено Тимофеевым на обследование биографии Даргомыжского, что составило предмет целой книги (часть этих изысканий уже напечатана в „Музыкальном Современнике“), которая под названием „А. С. Даргомыжский, его друзья и почитатели“ выйдет в свет в одном из частных издательств.

Скончался Тимофеев 18 марта в поезде, везшем его, в качестве музыкального инструктора, в Воронеж. Большой, усталый, исхудалый до неузнаваемости от вечного недоедания, он думал подкормиться в более счастливом городе, но судьба решила иначе. Смерть в вагоне. Глухая станция. Тело ставят в часовню, затем хоронят—неизвестно где. Незнание места вечного упокоения,—поистине, трагический финал деятельной жизни.

К-в.

Б. В. Никольский.

Как видно из официального сообщения, в Петрограде расстрелян профессор историко-филологического и юриди-

ческого факультетов Воронежского университета Борис Владимирович Никольский. У него при обыске оказались оружие и документы, указывавшие на его причастность к заговору против советской власти. В эпоху царизма Никольский принимал деятельное участие в политике. При образовании политических партий в 1905 г. он вступил в состав союза русского народа и состоял членом Русского Собрания. Когда возникли раздоры между известным доктором Дубровиным, Пуришкевичем и Марковым, Никольский примкнул к первому из них.

Никольский оставил немало ученых трудов по римскому праву и историко-литературного характера. Таковы: „Наследование по истории римского права“, „Дарение между супругами“, „Новое слово цивилистики“, „Поэт и читатель в лирике Пушкина“, „Последняя дуэль Пушкина“, „Сборник стихотворений“ и др. В издании Академии наук должен был выйти труд Никольского—„Пушкин и его современники“. В присланной покойным Никольским в одну литературную организацию просьбе о зачислении его в члены переименованы приготовленные им к изданию работы, частью напечатанные уже в университетских ученых записках, частью имевшие появиться; между прочим, по поручению военно-научной секции А. В. Д., он готовил к печати первый русский перевод с подлинника римского писателя Вегетия о военном деле с соответствующими толкованиями и введением.

Д. А. Корсаков.

Только-что скончавшийся в Казани профессор русской истории Дмитрий Александрович Корсаков был очень популярен среди своих питомцев, которые лет пять тому насад выпустили объемистый сборник его статей по поводу 40-летия его ученой и 50-летия учено-литературной деятельности. В сборнике помещен полный перечень печатных трудов покойного, перечисление коих заняло бы здесь много места. Ограничимся указанием следующих из них: „Мера и великое княжество ростовское“ (магистерская диссертация), „Воцарение Анны Иоанновны“ (докторская диссертация), „А. П. Вольнский“, „Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Востоке“ и др. Читающей публике Корсаков был хорошо известен, как автор ряда превосходных статей в „Вестнике Европы“ (1886, 1887, 1888 и др.) о К. Д. Кавелине.

Г. Ф. Дормидонтов.

Казанский университет понес утрату в лице своего бывшего ректора и профессора римского права Григория Федоровича Дормидонтова. Юридическую литературу Г. Ф. обогатил, главным образом, своими трудами о наследственном праве. Являясь сторонником социологического направления, он в своей книге, послужившей для него магистерской диссертацией и озаглавленной „Об ответственности наследников по обязательствам оставителя наследства“, подверг анализу положительные права Индии, Китая и Афин. Этот анализ привел его к заключению, что право наследования стоит в неразрывной связи с общим строем семейных отношений. В 1903 г. вышла книга Дормидонтова о реформе русского наследственного права.

К. А. Арнштейн.

В Казани скончался известный врач и гистолог, профессор местного университета Карл Августович Арнштейн, на 78 году жизни. Образование Арнштейн получил в Лазаревском институте в Москве и в Юрьевском университете. В 1864 г. он отправился за границу, где работал под руководством Фойта, Вирхова и других знаменитых уче-

ных, а по возвращении получил кафедру гистологии в Казанском университете. Арнштейн обогатил науку, которой он посвятил себя, многими ценными работами. Через его руки прошло не одно поколение молодых ученых. Особенно много работал покойный по микроскопической технике. Вместе с другими учеными Арнштейн издавал на немецком языке „Международный ежемесячник по анатомии и физиологии“.

Т. Д. Флоринский.

В Киеве одновременно с тремя другими профессорами местного университета расстрелян, при несомненно выясненных обстоятельствах, известный славист и византолог Тимофей Дмитриевич Флоринский, автор исследований о южных славянах и Византии во второй половине XIV века (магистерская диссертация), памятников законодательной деятельности Душана (докторская диссертация) и многих других трудов. „Политическая и культурная борьба на греческом Востоке в первой половине XIV в.“ и др.) Большую полемику вызвали в свое время (в 1899 г.) появившиеся в „Киевляне“ статьи Флоринского под заглавием „Малороссийский язык“ и „украинско-русский литературный сепаратизм“. Едва ли надо говорить о тенденциях статей, нашедших себе место в бывшем долгое время официозном органе.

Умер Флоринский 65 лет от роду.

Н. А. Щеголев.

Расстрелянный в Киеве Н. А. Щеголев—по своей специальности—хирург. Родился он в 1863 г. и среднее образование получил в Курской классической гимназии. Затем Н. А. поступил в военно-медицинскую академию, которую и окончил в 1889 г. За свою диссертацию „Об этиологии острых нагноений“ Н. А. был удостоен академией степени доктора медицины. В 1903 г. Щеголев был избран медицинским факультетом Новороссийского университета экстраординарным профессором по хирургической патологии и терапии. В 1904 г. он перевелся на кафедру хирургической госпитальной клиники, а в 1906 г. был назначен ординарным профессором хирургической госпитальной клиники Новороссийского университета. Кроме своей диссертации, Н. А. написал целый ряд научных статей и трудов, из которых наиболее выдающимся является „Исследование о поврежденных и хирургических болезнях грудной клетки, окологлоного мешка и легких“. (Одесса, 1902). Щеголев был деятельным сотрудником научных журналов.

Н. М. Цитович.

Н. М. Цитович, также расстрелянный в Киеве, преподавал политическую экономию и статистику. Окончив курс Киевского университета, он получил степень магистра политической экономики и статистики за диссертацию под заглавием: „Обзорение учений о предпринимательской прибыли“. (Киев, 1889). Затем Н. М. преподавал в Киевском университете статистику, а с 1895 г. занял кафедру политической права.

В 1898 г. Н. М. получил степень доктора политической экономики за свою диссертацию на тему: „Местные расходы Пруссии в связи с теорией местных расходов“ (Киев). Перу его принадлежат различные статьи по политической экономике, помещенные им в научных периодических изданиях. Наиболее крупные из них: „О голоде в Западной Европе“ и „О страховании против безработицы“.

Обе статьи были помещены в „Киевских университетских Известиях“.

П. Я. Армашевский.

В Киеве вместе с другими тремя профессорами расстрелян профессор Петр Яковлевич Армашевский. Покойный занимал в Киевском университете с 1885 г. кафедру минералогии и петрографии. Его работы по геологии и кристаллографии помещались преимущественно в „Записках Киевского Общества Естествоиспытателей“ и в „Известиях Геологического Комитета“.

Умер П. Я. Армашевский 68 лет от роду.

Памяти почивших —

... и других“. Этими двумя словами в Общем Собрании Общества Вспомогательных и Ученых 17 мая закончил А. Е. Кауфман свою задуманную речь, посвященную памяти наших сочленов, отошедших в последнее время в вечность. Синодик был длинный к прискорбию, именно, страшно длинный, и, тем не менее, не был исчерпан: многих имен не хватало. Сколько? Каких имен? На это ни председатель Общества, ни кто другой не может дать ответа, т. к. теперь нет возможности выяснить с точностью все жертвы экономического лихолетья и разных невзгод, обрушившихся на литераторов и ученых. Нельзя быть уверенным в том, что Правление Общества имеет сведения о всех потерях в самом Петрограде. Средства общения писателей так сужались, в особенности в области печатного слова, что ничего нет мудреного, если о потерях в рядах даже петроградских своих сочленов мы узнаем случайно, стороной и часто весьма несвоевременно. Что же касается местных отделений, то там все замерло. Лишь в самое последнее время послышался слабый отголосок из Москвы, откуда дают знать, что секретарь отделения, по крайней мере, существует. Голоса не подаются живые, а число почивших так велико, что выражение „и других“ не случайно вырвалось у Председателя для округления фразы, а имеет существенное значение.

Подсчитать выбывших из строя, почтить их память, озаботиться по силе возможности поддержкой оставшихся после них вдов и сирот—это нравственная обязанность Общества взаимопомощи, долг тех сочленов, которые еще держатся на ногах, находят силы выдерживать жизненную бурю.

Как же откликнулось на тяжкую нужду Общество взаимопомощи литераторов и ученых.

Как работал выборный орган Общества за прошлый год, сочлены могли услышать в годовом собрании 17 мая из обстоятельного доклада председателя Ревизионной Комиссии М. В. Побединского (Извлечение из отчета Комиссии напечатано в № 4 „Вестника О-ва Вспомогательных и Ученых“).

После временного замораживания, вызванного экономической разрухой, аннулированием принадлежащих Обществу капиталов в процентных бумагах и выездом из Петрограда многих сочленов, в то время, когда казалось, что организация еле дышит, переживает последние дни, она точно от электрического тока вновь воспрянула к жизни. Правление Общества стало работать с редкой энергией и продуктивностью. Серьезность положения, опасность полного паралича столь необходимой организации вызвала в выборных лицах особую энергию к спасению общественного корабля, близкого к крушению. Попечительная деятельность литературно-ученой организации проявилась еще в большем масштабе в текущем, 1919 году. По общему признанию, при этом переломе, совпавшем с обновлением Правления, выявил чрезвычайную энергию, настойчивость и преданность делу новый председатель Общества.

Как известно, тяжелое время заставило литературные организации, смотревшие прежде врозь, сплотиться в Объединенный Союз для защиты своих интересов и взаимопомощи. Штаб-квартирой является „Дом литераторов“, куда, на приветливый огонек, как на спасательный маяк у входа в гавань, направляются все течения интеллигенции.

Пока еще трудно сказать, во что выльется объединение литературных организаций. Важен самый почин, знамена-

тельно общее дружеское рукопожатие, признание солидарности интересов. Мысль—свободна, как птица под небесами, каждый верит в свои идеалы, невыблемы, обязательны лишь заветы правды и справедливости. Вот та платформа, на которой зародилось союзное объединение. И дай Бог ему не засохнуть, а крепко приняться и расцвести.

По мысли члена Президиума Центрального Комитета Объединенного Союза Б. О. Харитона, предполагается почтить память литераторов и ученых, отошедших в лучший мир за время революции, изданием сборника их некрологов. Надо полагать, весь Объединенный Союз отнесется к этому предложению с полным сочувствием. Для того, чтобы воздвигнуть достойный памятник почившим, памятник, одухотворенный одной общей идеей, памятник не заурядный, нужны, прежде всего — энергичные организаторы, затем — сотрудники, материалы и деньги, деньги, деньги. Когда раздастся призывный клик, то нельзя сомневаться в том, что многие сочлены с готовностью отзовутся, в той или другой форме приложат руку к созданию памятника. Пока же необходимо подсчитаться, надо выяснить с точностью число неизвестных „и других“, их имена и обстоятельства, при которых они переселились туда, где нет вздыханий.

Надо подсчитаться, надо каждому из нас поделиться с Обществом своими печальными траурными сведениями.

В. С. Кривенко.

Посмертные письма П. Д. Боборыкина.

(1916—1917 гг. ¹).

I.

Лугано (Швейцария), Park-Hôtel.
10 (23) июня 1916.

Добрый брат! Спасибо за память о Вашем старом брате, очень старом, имеющем фактическое право считаться по летам „старейшиной“ (doyen d'âge) русской литературы, ибо ему 15 (28) августа минет 83 года и он 56-й год работает, как русский писатель, с октября 1860 г., когда в „Библиотеке для чтения“ появился его „Одноворец“.

Вы меня на 30 лет моложе; но всетаки я изумляюсь Вашей мозговой энергии и способности к созидательной работе. Вы—то, что Ribot в своей книге по „психологии воображения“ называет „un imaginatif“, но воображение у Вас играет всегда на реальной почве, требующей больших знаний.

Вы называете меня „интеллигентом по преимуществу“. У Вас есть уже предшественники в прессе. По поводу моей 50-летней писательской годовщины (в 1910 г.) автор статьи в „Русском Слове“ озаглавил ее: „Интеллигент“. Что-ж! Мне от моего уместного добра нельзя отказываться, еслиб я и захотел. Жаль одного: что не удалось (вряд ли по моей вине) найти в отечестве полного применения всего того, что удалось скопить в своем „я“.

У нас с Вами одна общая слабость: к языкознанию; но Вы—изобретатель, а я только — любитель - полиглот. Кажется, я уже похвалился Вам, что к 80-летнему возрасту число языков (древних и новых), которые я изучал (или только припускался к ним, возрасло до двух дюжины: ровно 24. В течение 1915 г. стал знакомиться с бретонским и здесь, в Лугано, с латышским; брал уроки у поэта, которого Вы, быть может, встретили в Риге.

Тому, что Вы создаете при „Кассе“ ²), и делу сближения с сочувственными нам народностями ³) желаю полного успеха.

¹) Письма, воспроизводимые здесь, адресованы были П. Д. Боборыкиным незадолго до его кончины Вс. Е. Чехихину и отражают отчасти его настроение в последнее время. *Ред.*

²) Т. е. двум основанным в январе 1916 г. бюро сироты и предложения авторского и интеллигентского труда при Кассе (ныне Обществе) взаимопомощи литераторов и ученых.—*В. Ч.*

³) „Обществу взаимного международного сближения России русского народа с другими странами и народами“, зарегистрированному весной 1916 г.—*В. Ч.*

Мы прожили здесь десять месяцев; едем на воды и к сентябрю вернемся сюда же.

Адрес мой: Ragaz (Suisse). Poste restante.

Душевно Ваш П. П. Боборыкин.

II.

24 сент. бря
7 октября 1916.

Lugano (Suisse). Park-Hôtel.

Добрейший собрат! Спасибо, спасибо за „памятку“. Стихотворение ¹⁾ само по себе вышло удачным и без обычной сладости юбилярных подношений.

Думаете ли Вы пустить его в печать? Я бы мог обратиться к редактору одной газеты; но он попросит сначала Вашего разрешения.

Со мной случилась беда: 5 недель вожусь с глазом. Сидел в ... ²⁾, в лечебнице. Теперь лучше.

Ваш П. Б.

III.

Lugano, 9 (22) мая 1917.

Любезный собрат! Спасибо за открытку и даже с проектом гимна!

Но почему же на такой церковный мотив, и откуда это у вас такой „Сионский“ ³⁾ налет? Я считал вас всегда человеком *научной* складки... Или, может быть, жизнь стала переделывать?

Что Вам сказать о нашем великом перевороте? Начало прекрасное; но теперь что-то хмурится. Что-то будет?

Душевно Ваш П. Б.

P. S. Следующий адрес: Ragaz (Suisse). Gr. Hôtel, „Hof-Ragaz“.

IV.

Lugano, Park-Hôtel.

20 (7) сентября 1917.

Добрейший собрат!

Видите—сколько времени шла Ваша карта от 27 июля, по старому стилю! ²⁾. Она написана еще до падения Риги, о которой Вы так грустили. Какой это был удар именно для Вас, убежденного обрусителя-интеллигента!.. Ваше чувство к немцам должно теперь еще обостриться.

Вот я был всегда врагом национального самомнения и расовой неприязни, а теперь не могу относиться к „ученым гуннам“ иначе, как с чувством отвращения. И их „соль земли“, их „зоцы“—даже и меньшевики—того же поля ягоды, что и Кронпринц, и Трейчке, и Бернгарди, и Оствальд!..

Вы ведь пережили ужасные дни в Петрограде? Хороши и наши „Катилины“, как я их прозвал в моих газетных статьях... Если Пугачева четвертовали, то какую же казнь можно было бы придумать для изуверов, которые довели наше отечество до такого распада?

Что сказать вам о себе? Телесно я не могу жаловаться, но душевное состояние ужасное! Никогда я еще, во всю мою жизнь, не болел так *родной*. И каждый день газеты приносят все новые удары, еще горшие мотивы тревоги и нравственной боли.

А всетаки я все эти три года не переставал работать. Накопилось несколько более крупных вещей, но они лежат под срудом. Из того, что пишу в газетах (главным образом, в „Утре России“), половина пропадает.

¹⁾ „Восемь десятков“ (к 80-тилетию П. Д. Боборыкина).—В. Ч.

²⁾ Название какого-то швейцарского местечка, написанное неразборчиво.—В. Ч.

³⁾ „Ты победишь весь мир, Россия“, на мотив Бортиянского „Коль славы“ (партитура, напечатанная на открытке). Гимн кончается стихом: „И станет русский Рим Сионом“.

⁴⁾ Письмо было в пути месяц слишком. Воспроизводимое же письмо П. Д., последнее по времени в нашей переписке, получено было мною через 4 месяца после его написания.

Мы с Соней часто о вас вспоминаем. Удивляемся вашей энергии. Вас жизнь только закаляет. Правда, я на 30 лет вас старше.

Спасибо за краткое, но исчерпывающее *credo*. Таким я вас, в общем, и понимал.

Мы здесь зазимуем.

Душевно ваш

П. Боборыкин.

Посмертные письма В. В. Розанова.

В. В. Розанов, по отзывам близко знавших его, страдал „болезнью совести“. Перед смертью эта боль выразилась в виде двух трогательных обращений к еврейскому народу, перед которым он считал себя виноватым за некоторые его выпады.

Вот эти письма:

I.

Моя предсмертная воля.

(10 января 1919 г.)

Я постигнут мозговым ударом. В таком положении я уже не представляю опасности... И можно добиться мне разрешения выехать с семьей на юг...

Вера в торжество Израиля, радуюсь ему. Вот что: пусть еврейская община в лице московской возьмет половину права на издание всех моих сочинений и в обмен обеспечит в вечное пользование моему роду и племени Розановых честную ферму в пять десятин хорошей земли, пять коров, десять кур, петуха, собаку и лошадь, и чтобы я ел вечную сметану, яйца, творог, всякие сласти и честную фаршированную щуку.

Верю в сияние возрождающегося Израиля и радуюсь ему.

В. В. Розанов.

II.

К евреям.

(17 января 1919 г.)

Благородную и великую нацию еврейскую я мысленно благословляю и прошу у нее прощения за все мои прегрешения, и никогда ничего дурного ей не желаю и считаю первым в свете по значению.

Главным образом, за лоно Авраамово, в том смысле, как мы объясняли это с отцом Павлом Флоренским.

Многострадальный терпеливый народ люблю и уважаю.

В. В. Розанов.

В последних своих письмах В. В. часто касался темы об евреях. Он никогда не устал говорить на эту тему и никогда не повторялся.

Э. Г.

Центральный Комитет Об'единенного Союза Литературных организаций приступает в скором времени к собиранию материалов для издания первого выпуска сборника, посвященного памяти умерших в 1918—1919 гг. деятелей литературы и науки. Избраны редакционная и издательская Комиссии. В состав первой входят С. А. Венгеров, А. Е. Кауфман, Н. А. Котляревский, А. М. Редько и Ф. К. Сологуб. Издательская комиссия состоит из И. В. Вольфсона, А. Е. Кауфмана, Л. М. Клячко, Сосенера и В. О. Харитона.

Деятельность Ревиз. Комис. по делам Союза Деятелей Художеств. Литерат. близится к концу. Уже состоялось 10 заседаний. Комиссия давала свои показания М. Горький, В. В. Муйжель, Ф. Сологуб, Ан. Чебатарева, А. М. Вродский и Г. Урюпинский.

В виду этого, что союз Д. Х. Л. представлен в Комиссии всего двумя лицами (К. Жихаревой и В. Ирецким), а остальные восемь членов ее (В. Азов, С. Бурсин, М. Ватсон, Е. Леткова, проф. В. Сперанский, Л. Урванцов и Б. Харитон) являются представителями других литературных организаций, Ревиз. Комис. переименовала себя в Особую Комиссию при Центральном Комитете Об'единенных Литературных организаций по делам Союза Деятелей Худож. Литературы.

С третьего заседания в деятельности Комиссии принимает участие представитель Государственного Контроля.

Хозяйственный Комитет „Дома Литераторов“ устанавливает некоторые преимущества для членов литературных организаций, родившихся в 1869 г. и ранее, т. е. достигших 50-летнего возраста. Им будут выданы особые билеты, дающие право на получение платежных марок в кассе, обедов, закусок и т. д.—вне очереди. Достигшим 60-летнего возраста обеды, чай, и кофе будут подаваться.

Кроме того, предполагается выдача членам литературных организаций, достигшим 50-летнего возраста, некоторых продуктов, независимо от тех, которые могут быть получены для распределения между всеми членами литературных организаций.

С 1-го июля „Дом Литераторов“ будет открыт от 9 час. утра до 16 час. веч. От 9 до 11 час. утра—чай, кофе, молоко, холодные закуски, от 12 до 7 час. веч.—обеды, закуски, чай, кофе, молоко, от 8 до 10 час. веч.—закуски, чай, кофе, молоко. От 11 до 12 и от 7 до 8 буфеты будут закрыты.

Литературная хроника.

Вышли след. новые книги: *Н. Ленин*. „Империализм, как новейший этап капитализма“. (Популярный очерк). Кн-во „Коммунист“. Москва, 1991. *Н. Ленин*. „Государство и революция“. *Наркомпрос*. „Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию“. Выпуск 1-й, с 28 октября 1917 г. по 7 ноября 1918 г. „Советская Россия и народы мира“. Речи, произнесенные на международном митинге в Петрограде. С предисловием *М. Горького* и портретами всех ораторов митинга. Изд. Петрогр. Совета, 1919. *Диккенс*. „Повесть о двух городах“. Новое издание „Колоса“. *Я. Перельман*. „Веселые задачи“. *Вадим Шершеневич*. „Крепостной“. Поэма имагиниста. Москва, 1919, издат. „Чихи-Пихи“. *Бр. Гордины*. „Анархия духа“. Москва, 1919.

Московское кн-во Кибель выпустило в свет целый ряд произведений *Сельмы Лагерлеф*, отдельными книжками.

Специалисты книжного дела отмечают, что книга настоящего времени сильно „измельчала“, если так можно выразиться. Больших произведений, посвященных основательной разработке какого-либо научного или др. вопроса,—нет. Выпускаются все больше брошюры и книжки, имеющие своей целью обслуживать исключительно интересы момента.

Сочинения историка Ключевского в издании Комиссариата народного просвещения уже успели разойтись почти совершенно. Особенно это относится к первому тому, которого нельзя найти ни в одном магазине. Если же этот том и имеется где-либо, то отпускают его не иначе, как в учреждения, для библиотек, а не частным лицам.

Художественным Издательством „Светозар“ готовятся к печати след. издания в постановке Худож. моск. театра: 1) „На дне“ Максима Горького. Моск. Худ. театр специально для этого издания устроил 5 с. марта спектакль пьесы „на дне“, во время которого и была произведена съемка как общих сцен, так и отдельных персонажей. Предисловие к книге написано М. Горьким, вступительная статья—Вл. Ив. Немировичем-Данченко.

текст. Н. Е. Эфроса; в книге множество иллюстраций по способу меццо-тинто. 2) „Горе от ума“ в постановке Московского Художественного театра. Художественная книга—альбом под редакцией Вл. И. Немировича-Данченко, текст в книге Вл. И. Немировича-Данченко; 3) „Вишневый сад“ Чехова, 4) „И. М. Москвин“—большая художественная монография о талантливом, популярном актере Московского Художественного театра, текст Н. Е. Эфроса. 5) *М. Н. Ермолова* (к пятидесятилетию ее сценической деятельности): большая, богато иллюстрированная монография, жизни и сценической деятельности великой русской актрисы. Статьи и воспоминания: проф. П. Н. Сакулина, проф. А. А. Кизветтера, Вл. И. Немировича-Данченко, К. С. Станиславского, А. И. Южина (кн. Сумбатова) и др. 6) *В. Ф. Комиссаржевская*: большая, богато иллюстрированная монография о великой русской актрисе. Статьи и воспоминания: Комиссаржевского, Карпова, Блока, Евреинова, Эфроса и др. 7) *Ф. И. Шаляпин*. Специально для этого издания сделаны снимки великого актера во всех его ролях, множество репродукций по способу глубокой печати (меццо-тинто) и в красках; текст В. Г. Каратыгина.

Комиссия по собиранию и изучению архивных материалов по истории еврейских погромов в России приступила к печатанию первого тома собранных ею материалов. Из последних обращает на себя особое внимание Дубоссарское дело, которое, как известно, послужило прелюдией к Кишиневскому погрому, а затем и ко многим другим погромам, вспыхнувшим летом и осенью 1903 г. Духом глубокого средневековья веет от страниц этого дела, посвященных описанию гаданий местных женщин, в том числе и родственниц убитого мальчика Рыбаченки, о судьбе и месте похождения его. Кошмарны официальные документы об убийствах в Кишиневе, о разгроме имущества и т. д. Том обнимает и дело Дашевского, покушавшегося на убийство Крушевана, и дело о первом гомельском погроме, имевшем место 31 августа и 1 сентября 1903 г. Том снабжен двумя статьями С. И. Дубнова и Г. Я. Красного.

В непродолжительном времени появится 5-й том сборника „Пережитое“, посвященного общественной и культурной истории евреев в России. В нем в числе прочего материала будут помещены: коллекция писем С. И. Абрамовича (Менделе-Мохер-эфорим), обнимающая целое тридцатилетие деятельности этого известного еврейского писателя; мемуары А. И. Паперны о 60-годах в истории русского еврейства; статьи и исследования С. Л. Цинберга (по культурной истории евреев в школе XVIII в.), Г. Я. Красного (К истории еврейских погромов в России), С. М. Гинзбурга (Николай I и проект выселения евреев из России), Г. А. Ландау (литературные воспоминания) и др. В сборнике будет опубликован также обширный архивный материал (о царствовании Николая I, о приезде д-ра Герцля в Россию, по истории цензуры и т. д.).

Готовится к печати исторический сборник на разговорно-еврейском языке „Амолиге Йорен“ („Минувшие Годы“). В нем, между прочим, будут помещены мемуары И. Аронса о первом поселении евреев в Швеции XVIII в., статьи В. Стоклицкой-Терешкович (о сожжении при имп. Анне Иоанновне офицера Возницына за переход в иудейство), С. Л. Цинберга, С. Я. Розенфельда, С. М. Гинзбурга, С. Нигера и др., а также разнообразный архивный материал.

Выпущены в свет пьесы «Бедность не порок» А. Островского, «Псковитянка»—А. Додэ и «Неосторожность»—И. Тургенева.

Книжная выставка, которая должна была открыться при Книжной Палате с начала мая, до сих пор еще не открыта, в виду отсутствия необходимых рабочих рук. Открытие выставки ожидается не ранее, чем через месяц.

В виду повышения типографских ставок на 100 слишком процентов и вздорожания бумаги, цена экземпляра «Вестн. Лит.» отныне—5 руб.